

13181.

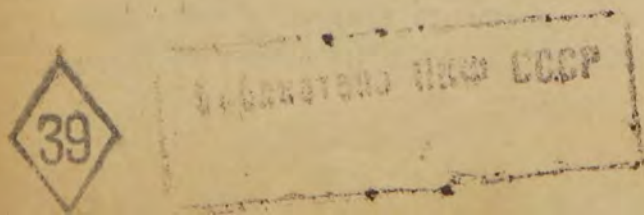

дятся безъ указанія окружающихъ условій, въ атмосферѣ которыхъ проявляются данныя качества.

Въ заключеніе нашего разбора книги г. Крживицкаго мы приведемъ еще одну выдержку изъ его предисловія (стр. II и III), которая, быть можетъ, объяснитъ намъ многія черезчуръ прямолинейныя толкованія автора. Въ указанномъ мѣстѣ авторъ говоритъ: «Равнымъ образомъ никто не упрекнетъ насъ за то, что мы, говоря о вліяніи антропологическихъ факторовъ и о сущности явленій, подлежащихъ вѣдѣнію антропологіи, и не желая переступить границы назначенной себѣ области, вынуждены были, съ одной стороны, игнорировать, съ другой—ослабить явленія и вліянія второстепенныя и другого порядка, а вмѣстѣ съ тѣмъ придать изслѣдуемымъ фактамъ болѣе рѣзкое и одностороннее выраженіе, не соотвѣтствующее ихъ дѣйствительному значенію». Съ этимъ принципомъ, по нашему мнѣнію, нельзя согласиться. Задача всякой науки заключается въ выясненіи истиннаго значенія изслѣдуемыхъ фактовъ, и особенно важно это—въ популярномъ очеркѣ науки. Лучше отказаться отъ изложенія многихъ вопросовъ науки и выбрать только самые важные изъ нихъ, чѣмъ говорить обо всѣхъ фактахъ и сознательно исказить ихъ дѣйствительное значеніе. Справедливость этой мысли, намъ кажется, достаточно иллюстрирована всѣмъ предшествующимъ разборомъ книги.

Всѣ указанные недостатки труда г. Крживицкаго, какъ мы видѣли, относятся не столько къ антропологіи, сколько къ областямъ, близко примыкающимъ къ этой наукѣ. Мы обращали особенное вниманіе именно на эту сторону, чтобы устранить неправильность сознательнаго односторонне-антропологическаго толкованія авторомъ различныхъ явленій и предостеречь читателей отъ, зувлеченія подобными толкованіями. Поэтому мы повторяемъ, что книга эта поскольку она трактуетъ вопросы антропологіи, написана со знаніемъ дѣла и съ талантомъ. Изложеніе ясное, языкъ легкій. Вообще съ вышеуказанными предостереженіями книгу можно признать вполне пригодною для первоначальнаго знакомства съ антропологіей.

77583

Дружинин Н.

ОБОЗРѢНІЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

I. Личныя и общественныя права крестьянъ.

Въ настоящее время все чаще и чаще поднимаются вопросы о личныхъ и общественныхъ правахъ крестьянъ, объ устройствѣ и дѣятельности учреждений, суда и властей, надъ ними поставленныхъ, и пр. Можно надѣяться, что вопросы этого рода не замедлятъ окончательно завоевать вниманіе печати и общества. Чрезвычайная важность ихъ очевидна. Надѣленіе всѣми личными и общественными правами крестьянъ, правильное, безусловное огражденіе закономъ этихъ правъ есть одно изъ основныхъ требованій и условій нашего культурнаго общественнаго прогресса. Рѣчь идетъ, дѣйствительно, о необходимыхъ условіяхъ существованія.

Въ чемъ же недостатки теперешняго юридическаго положенія крестьянъ, что необходимо въ немъ измѣнить? Своевременно поставитъ въ печати этотъ вопросъ, въ виду составляемыхъ предположеній объ измѣненіяхъ въ общественномъ устройствѣ крестьянъ, въ виду происходящаго въ настоящее время пересмотра законоположеній 19 февраля 1861 г. Въ теченіе 1895 г. работы въ этомъ направленіи совершались на мѣстахъ, въ средѣ комиссій, состоявшихъ изъ представителей бюрократіи и дворянскаго сословія. Нынѣ дѣло перешло въ центральное вѣдомство. Канцелярская тайна наименѣе соотвѣтствуетъ дѣлу, столь важному; участіе же въ немъ общественныхъ силъ возможно и желательно нынѣ, и при первоначальномъ составленіи положеній объ освобожденныхъ крестьянахъ, не смотря на всю щекотливость и особыя свойства вопроса, работы редакціонныхъ комиссій все же были обставлены гласностію, публичностію и участіемъ общественныхъ силъ. Когда въ засѣданіи общаго присутствія комиссій 6 апрѣля 1859 г. возбужденъ былъ вопросъ: «какую степень гласности должны имѣть занятія комиссій?», то предсѣдатель комиссій и главнѣйшій дѣятель освобожденія Я. И. Ростовцевъ отвѣтилъ на него слѣдующими примѣчательными словами:

«Занятія комиссій составляютъ *дѣло всей Россіи*, дѣло, съ которымъ тѣсно связано и спокойствіе, и благосостояніе *цѣлаго государства* какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ. Опытъ показалъ, что хотя поднятый вопросъ и живо затронулъ интересы всего народа, но Россія, въ полномъ довѣріи къ своему государю,

осталась спокойною; что спокойствіе это можно частію приписать и нѣкоторой гласности, съ которою съ самаго начала, по высочайшему повелѣнію, было ведено дѣло. Притомъ же комиссіи, совершая трудъ, столь близкій интересамъ всѣхъ словій, обязаны честнымъ отчетомъ въ своихъ дѣйствіяхъ предъ всею Россіею. Дать этотъ отчетъ, успокоить всѣхъ и каждого можно только посредствомъ полной откровенности, потому что *идя дѣло ведется открыто, тамъ нѣтъ мѣста ни превратнымъ слухамъ, ни ложнымъ опасеніямъ, ни нелпнымъ толкованіямъ*. Наконецъ, на комиссіяхъ лежитъ святая обязанность уяснить вопросъ и самимъ себѣ со *всѣхъ его сторонъ*. Какъ бы ни былъ добросовѣстенъ трудъ комиссій, какъ бы ни было велико стремленіе ихъ быть безпристрастными и неодносторонними, онѣ, при всей опытности своихъ членовъ, врядъ ли избѣгутъ такихъ ошибокъ, которыя, при примѣненіи къ дѣйствительной мѣстной жизни, могутъ оказать неблагопріятное вліяніе на успѣхъ дѣла. А потому и здѣсь необходимо *придать себя общему суду, призвать на помощь общее участіе*, которое прольетъ свѣтъ на каждую оставшуюся въ тѣни сторону вопроса, дополнить недостающіе факты и исправить во-время каждую ошибку комиссій...

Согласно съ этимъ постановлено было *«всѣ журналы и труды комиссій печатать въ значительномъ числѣ экземпляровъ»*. По мнѣнію Ростовцева, это было необходимо, между прочимъ, потому, что при подобномъ условіи *«работы комиссій будутъ подвергаться критикѣ не по окончаніи, а во время самаго ихъ хода*, когда всякая ошибка можетъ быть своевременно исправлена, что облегчитъ и ускоритъ окончательное разсмотрѣніе и утвержденіе проектовъ...» («Матеріалы редакціонныхъ комиссій для составленія положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости», т. I, кн. 1, изд. 2, стр. 11 и 24).

Затѣмъ, обращеніе къ общественнымъ силамъ выразилось въ томъ, что при самомъ открытіи дѣятельности комиссій, по распоряженію Ростовцева, были пріобрѣтены спеціальныя журналы по крестьянскому дѣлу, а также *всѣ* статьи по этому предмету, помѣщенные во *всѣхъ* періодическихъ изданіяхъ; были выписаны *всѣ* иностранныя сочиненія и брошюры, относящіяся до освобожденія крестьянъ и законоположеній о нихъ въ европейскихъ государствахъ; сдѣлано сношеніе съ редакторами русскихъ журналовъ объ отпечатаніи впредь для комиссій отдѣльными оттисками *всѣхъ поступающихъ къ нимъ статей по крестьянскому дѣлу въ числѣ ста экземпляровъ*; при этомъ же членамъ комиссій предложено было заняться составленіемъ сводовъ также изъ *всѣхъ* журнальныхъ статей, отдѣльныхъ сочиненій и брошюръ и вообще изъ всего, что доселѣ представляла по этому предмету литература иностранная и отечественная, какъ въ изданіяхъ печатныхъ, такъ и въ рукописныхъ сочиненіяхъ (тамъ же, стр. 21 и 25). Односторонній характеръ пріобрѣло только непосредственное участіе общественныхъ силъ въ составленіи положеній объ освобожденныхъ крестьянахъ. Къ этому были призваны *одни помѣщики*. Проекты положеній составлялись въ губернскихъ дворянскихъ комитетахъ, затѣмъ и въ самыя редакціонныя комиссіи призваны были для обсуж-

денія проектовъ представители тѣхъ же губернскихъ комитетовъ. Однако, предполагалось выслушать непосредственно, хотя и въ весьма ограниченномъ смыслѣ, и другую сторону — крестьянъ. Ростовцевъ именно предлагалъ, въ этихъ видахъ (кромѣ вызова въ комиссіи «помѣщиковъ *небогатыхъ*, достаточно образованныхъ») — «выбрать изъ различныхъ мѣстностей Россіи до десяти или болѣе опытныхъ и смысленныхъ управляющихъ имѣніями или, еще лучше, *старостъ*, затѣмъ, чтобы они, призываемые въ редакціонныя отдѣленія по-одиночкѣ, отвѣчали только на два вопроса: *понятно ли то, что написано? И можно ли, что написано, исполнить у васъ съ пользою?*» (тамъ же, стр. 28). Предположеніе это не осуществилось, — вѣроятно вслѣдствіе смерти его автора. Равнымъ образомъ, не получило осуществленія и другое предположеніе Ростовцева, долженствовавшее, въ свою очередь, составить собою извѣстную форму обращенія къ общественнымъ силамъ, — оказанія вниманія голосу самого освобождавшагося крестьянства. Оно состояло въ обнародованіи положеній съ слѣдующею оговоркою:

«Настоящее положеніе, какъ трудъ человѣческой, можетъ и должно имѣть свои несовершенства. Не взирая на добросовѣстность дворянства, къ которому я имѣю полную довѣренность, если бы въ примѣненіи Положенія этого на мѣстѣ встрѣтились, вопреки желанію дворянства и желанію моему, какія-либо неудобства, то есть, если бы состояніе крестьянина въ повинностяхъ его, какъ личныхъ, такъ и денежныхъ, не улучшилось противу прежняго, то *мірской общины предоставляется право входить о томъ немедленно съ жалобою прямо къ начальнику губерніи или къ начальнику уѣзда, какъ міръ пожелаетъ*. Жалоба эта разсматривается или въ губернской или въ уѣздной расправѣ, по свойству дѣла или по опредѣленію губернатора. Если дѣло касается одного или нѣсколькихъ крестьянъ, то вопросъ разрѣшается окончательно уѣздною расправою. Если дѣло относится до одной деревни или до нѣсколькихъ деревень, то вопросъ разрѣшаетъ губернская расправа. Дѣло цѣлаго уѣзда разрѣшаетъ временный генераль-губернаторъ, а дѣло всей губерніи представляетъ министръ внутреннихъ дѣлъ на мое усмотрѣніе. *О всѣхъ сихъ рѣшеніяхъ вопросовъ, возбужденныхъ буквою новаго Положенія*, губернаторъ еженедѣльно представляетъ краткую [меморію въ министерство внутреннихъ дѣлъ... (тамъ же, стр. 228).

Понятно, что благодаря осуществившемуся въ извѣстныхъ предѣлахъ обращенію къ общественнымъ силамъ, труды редакціонныхъ комиссій вышли несравненно лучше, чѣмъ они могли бы быть, если бы дѣло велось иначе. Въ положеніяхъ 19 февраля 1861 г. много недостатковъ, какъ признавали сами редакціонныя комиссіи, вынужденныя бороться съ сильнѣйшими крѣпостническими вліяніями. Но при другихъ условіяхъ, при примѣненіи къ работамъ другихъ приѣмовъ, недостатковъ здѣсь было бы больше и они были бы существеннѣе.

Во всякомъ же случаѣ, нѣкоторая односторонность въ отношеніи участія общественныхъ силъ, проявившаяся при составленіи законоположеній 19 февраля 1861 г., нынѣ подлежала бы исправленію. Въ настоящее время рѣчь идетъ не объ однихъ уже бывшихъ помѣщичьихъ крестьянахъ, а о всей массѣ сельскихъ обывателей, — такъ

какъ, въ 1863, 1865, 1866, 1871 и пр. годахъ, и на остававшіеся всегда свободными разряды этихъ обывателей распространены были многія постановленія, выработанныя для крестьянъ освобожденныхъ...

При такихъ обстоятельствахъ, полагаемъ, не будетъ лишнею настоящая попытка разсмотрѣнія нѣкоторыхъ существенныхъ вопросовъ крестьянской жизни.

I.

Въ какой разрядъ населенія должны были войти помѣщичьи крестьяне по освобожденіи 19 февраля 1861 г.? Безъ сомнѣнія, въ разрядъ свободныхъ сельскихъ обывателей, какъ назывались крестьяне государственные. Освобожденные крестьяне должны были получить личныя и общественныя права послѣднихъ. Въ этомъ должно было состоять *существо* предпринимаемой реформы.

Но большинство губернскихъ дворянскихъ комитетовъ, призывавшихся къ участию въ составленіи первоначальныхъ предположеній объ освобождавшихся крестьянахъ,—въ виду полученія послѣдними помѣщичьей земли въ постоянное пользованіе (а не въ собственность, такъ какъ выкупъ не дѣлался обязательнымъ съ самаго начала),—предлагало сначала создать изъ крѣпостныхъ крестьянъ не состояніе свободныхъ сельскихъ обывателей, а «срочно-обязанное состояніе...» Что же это должно было быть за особое состояніе? Совершенно сообразно съ общими желаніями и предложеніями губернскихъ комитетовъ, оно было охарактеризовано минскимъ губернскимъ комитетомъ: «срочно-обязанное положеніе есть временное, переходное прекращеніе крѣпостнаго права, не задерживающее, а только *ограничивающее права крестьянъ, какъ свободныхъ сельскихъ обывателей*» («Матеріалы редакціонныхъ комиссій для составленія положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости», томъ I, книга 2, изд. 2, стр. 359). Такимъ же образомъ комитеты вятскій, полтавскій, новгородскій и воронежскій выражали «убѣжденіе, что пользованіе помѣщичьими крестьянами вновь даруемыми имъ правами должно быть въ теченіе нѣкотораго времени обусловлено *юридическимъ отношеніемъ ихъ къ землевладѣльцамъ*, и посему, *всѣ права не могутъ быть предоставлены имъ съ самаго начала*»... («Матерьялы», т. II, кн. 1, изд. 2, стр. 21). На основаніи этихъ и иныхъ не менѣе откровенныхъ предложеній, и было создано для освобожденныхъ крестьянъ именно «срочно-обязанное состояніе». Они должны были и называться, впредь до выкупа помѣщичьихъ земель въ собственность, — «временно-обязанными крестьянами»... съ нѣкоторыми ограниченіями въ правахъ и съ сохраненіемъ въ разныхъ отношеніяхъ зависимости отъ помѣщика. Отсюда же понятно, что и по освобожденіи для помѣщичьихъ крестьянъ должны были еще сохранить свое значеніе нѣкоторыя черты крѣпостныхъ отношеній.

Общую и весьма благопріятную почву для этого составило и то, что, по домогательствамъ губернскихъ дворянскихъ комитетовъ, съ одной стороны, въ окончательно составленныхъ положеніяхъ объ освобождавшихся крестьянахъ не были точно перечислены права свободныхъ сельскихъ обывателей, на нихъ переходившія, хотя бы въ установившейся постепенности; съ другой же стороны, въ нихъ не были отмѣчены прямо и точно и тѣ права помѣщиковъ, которыя именно отмѣнялись съ освобожденіемъ; постановлено было лишь вообще, что на освобожденныхъ крестьянъ переходятъ «права состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей, какъ личныя, такъ и по имуществу», и что «крѣпостное право на крестьянъ, водворенныхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, и на дворовыхъ людей—отмѣнено навсегда». Помѣщики, въ лицѣ губернскихъ комитетовъ, обнаруживали крайнюю щепетильность... Они возражали противъ перечисленія своихъ отмѣнявшихся правъ потому, между прочимъ, что въ этомъ заключался бы «упрекъ прошедшему», не опасаясь, что такой упрекъ, не сдѣланный на бумагѣ, можетъ сохраниться на дѣлѣ («Матерьялы», т. I, кн. 2, изд. 2; ч. XII, изд. 1, стр. 4; Общее Положеніе, ст. 1 и 2).

Могло ли одно принципіальное установленіе за освобожденными крестьянами правъ государственныхъ крестьянъ обезпечить эти права, въ особенности на время «срочно-обязаннаго состоянія», которое не только уже принципіально, въ общемъ, установленномъ за нимъ смыслѣ минскимъ губернскимъ комитетомъ, но и въ силу цѣлаго ряда прямыхъ, частныхъ постановленій и правилъ, было до извѣстной степени *противоположно* состоянію свободныхъ сельскихъ обывателей и во всякомъ случаѣ далеко не совпадало съ нимъ? Очевидно, нѣтъ.

Но если съ этой наиболѣе существенной стороны личныя и общественныя права освобожденныхъ крестьянъ не были обезпечены надлежащимъ образомъ, то, быть можетъ, необходимое обезпеченіе давали зато этимъ правамъ судъ и управленіе, образовавшіеся среди освобожденныхъ крестьянъ, и учрежденія, создававшіяся для завѣдыванія ихъ дѣлами? Однако сюда-то, главнымъ образомъ, и были направлены реакціонныя стремленія, дѣйствовавшія всѣми возможными способами при составленіи положеній для освобожденныхъ крестьянъ. Ни значительнаго прямого ограниченія правъ свободныхъ сельскихъ обывателей для освобожденныхъ крестьянъ, ни оставленія въ желаемой долѣ за помѣщиками ихъ прежнихъ правъ—не могло состояться. Существо предпринятой реформы не допускало ни того, ни другого. Лицамъ, интересамъ которыхъ было противно освобожденіе крестьянъ, оставалось поэтому воспользоваться косвеннымъ путемъ для дальнѣйшаго достиженія своихъ реакціонныхъ цѣлей,—имъ оставалось именно добиваться такого устройства управленія и суда для освобожденныхъ крестьянъ, которое лишало бы въ возможной степени обезпеченія тѣ права свободныхъ сельскихъ обывателей, которыя въ принципѣ при-

знавались и не могли не признаваться за этими крестьянами. И нужно сказать, что реакціонныя стремленія, проводившіяся въ то время весьма послѣдовательно, были въ этомъ отношеніи *особенно успѣшны*, и ими объясняется весьма много неблагоприятныхъ сторонъ въ нынѣшнемъ положеніи крестьянъ¹⁾.

Прежде всего рѣшительно устранено было распространеніе на освобожденныхъ крестьянъ общественнаго устройства, дѣйствовавшаго тогда среди крестьянъ государственныхъ. Устройство это не могло соотвѣтствовать «срочно-обязанному» состоянію освобожденныхъ крестьянъ. Для послѣднихъ подлежало проектированію новое общественное устройство съ соотвѣтственными особенностями. Затѣмъ, главою IX программы для занятій губернскихъ комитетовъ въ первоначальномъ видѣ, когда окончательная цѣль реформы не была выяснена вполне, для помѣщика предполагалось званіе «начальника общества срочно-обязанныхъ крестьянъ», и—губернскіе комитеты съ большимъ усердіемъ развили это понятіе... «Крестьяне состоятъ въ полномъ повиновеніи у начальника общества; онъ наблюдаетъ за ихъ поведеніемъ», предлагали комитеты; помѣщикъ или начальникъ общества имѣетъ право наказывать крестьянъ по собственному усмотрѣнію розгами до 20 ударовъ, арестомъ до 3 дней или штрафомъ до 3 р.; ему предоставляется представлять порочныхъ и провинившихся крестьянъ въ распоряженіе правительства для ссылки въ Сибирь; по дѣламъ благоустройства и благосостоянія крестьянъ, въ случаяхъ «непониманія» крестьянами пользы какого-либо учрежденія, онъ можетъ распоряжаться самъ, безъ согласія общества; сельская управа и мірской староста состоятъ подъ руководствомъ, надзоромъ и повѣркою начальника общества или помѣщика; ему подчиняются всѣ вообще должностныя лица крестьянскаго общественнаго управленія,—въ случаѣ же «превратныхъ дѣйствій» ихъ или явной неспособности, помѣщикъ удаляетъ ихъ самъ, безъ согласія общества; онъ утверждаетъ и всѣ приговоры мірскаго схода и сельской управы; онъ же даетъ разрѣшеніе на созывъ мірскихъ сходовъ; затѣмъ вообще начальнику общества или помѣщику присвоивается власть судебная, полицейская и пр., и—предлагалось—все это присвоивается и предоставляется ему съ правомъ передачи, на основаніи довѣренности, другимъ лицамъ... («Матеріалы», томъ II, кн. 2, изд. 2, стр. 279 и другія). При этомъ же помѣщикъ въ званіи «начальника общества» не долженъ былъ превратиться во власть, поставленную въ строгіе предѣлы закона, обставленную публичными формами, подчиненную надзору. Нѣтъ, онъ долженъ былъ сохранить вполне свой *обычный*, патріар-

¹⁾ См. объ условіяхъ составленія законоположеній 19 февраля въ книгѣ нашей: «Юридическое положеніе крестьянъ. Исслѣдованіе, съ приложеніемъ статей: Полноправныя сельскія общества и безправныя селенія. — Крестьянская женщина. — «Вы» и «ты». — Наказаніе безъ суда. — Преобразованный волостной судъ. — Юридическая безпомощность крестьянъ». Спб. 1897 г.

хальный характер... Въ то же время и коллегіальныя, и единоличныя установленія, долженствовавшія завѣдывать приведеніемъ новыхъ положеній въ исполненіе, дѣйствительнымъ возложеніемъ на освобожденныхъ крестьянъ ихъ новыхъ правъ, устройствомъ ихъ на новыхъ началахъ, — предполагалось составить единственно изъ представителей мѣстныхъ помѣщиковъ. Затѣмъ и всѣ эти установленія не должны были быть обставлены публичными формами и законностію, а должны были сохранить свой *обычный*, патріархальный характеръ, принадлежавшій дворянскому обществу. Въ этомъ смыслѣ весьма тщательно оберегалась ихъ независимость.

Стремленіе ограничить косвенно, на время срочно-обязаннаго состоянія, права освобожденныхъ крестьянъ, устройвъ на особыхъ, отчасти прежнихъ, дореформенныхъ началахъ ихъ управленіе, сказалось въ *типическомъ* предложеніи петербургскаго дворянскаго комитета, какъ оно излагается юридическимъ отдѣленіемъ редакціонныхъ комиссій. («Матерьялы», т. II, кн. 1, изд. 2, стр. 115). «Оставляя, — разсуждалъ названный комитетъ, — за помѣщиками право наблюденія надъ судомъ и расправою въ крестьянскихъ обществахъ, представляется возможность, безъ отступленія отъ общихъ нынѣ существующихъ административныхъ началъ, устроить внутреннее крестьянское управленіе *совершенно просто*, положивъ въ основаніе онаго не только законъ письменный, но и *мѣстные обычаи*. — Удержаніе на первое время *нынѣ существующихъ мѣстныхъ обычаевъ*, — обстоятельно добавлялъ комитетъ, — *вполнѣ необходимо*». Но въ такомъ неопредѣленномъ, идиллическомъ положеніи дѣло не могло оставаться слишкомъ долго, и — комитетъ пояснялъ: «приведеніе же обычаевъ въ извѣстность и правильную опредѣленность будетъ дѣломъ будущаго»... Такимъ же образомъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ губернскихъ комитетовъ, составъ крестьянскаго схода долженъ былъ вообще опредѣляться «существующимъ мѣстнымъ обычаемъ» («Матерьялы», ч. XII, изд. 1, 50). При этомъ, между прочимъ, 36 членовъ второго приглашенія полагали, что «если допустить на сельскіе сходы по одному крестьянину отъ cadaго двора, то лучшіе домохозяева, на которыхъ падаетъ самая большая доля повинностей, не будутъ имѣть достаточнаго вліянія на рѣшеніе дѣлъ, и, такимъ образомъ, всѣ приговоры сходовъ перейдутъ во власть людей одנותяглыхъ, людей большею частью бѣдныхъ, охотниковъ до передѣла полей и противниковъ всякой денежной раскладки на предметы общественныхъ надобностей». 36 членовъ второго приглашенія полагали также, что судъ, учрежденный для разбора маловажныхъ дѣлъ, будетъ разрѣшать ихъ — «на основаніи *обычнаго права*» (тамъ же, 106). Какого? Того, конечно, «права», которое существовало при крѣпостной зависимости, ибо иного не было ¹⁾. «Нынѣ существующіе мѣстные

¹⁾ Для характеристики авторовъ этого и многихъ другихъ предложеній 36-ти

обычаи» имѣлись въ виду во всѣхъ частныхъ предположеніяхъ о сословныхъ правахъ освобожденныхъ крестьянъ, прямо или косвенно. Такъ, по предположеніямъ ярославскаго комитета, право выхода освобожденныхъ крестьянъ въ другія сословія дозволено «не иначе, какъ съ согласія общества и помѣщика, притомъ сообразно съ существующими на сей предметъ узаконеніями и—обстоятельно добавлялось тутъ (т. II, кн. 1, изд. 2, 149)—мѣстными обычаями» (хотя эти «мѣстные обычаи», существовавшіе при крѣпостной зависимости, состояли въ томъ, что помѣщикъ старался какъ можно больше взять съ крестьянина, выходящаго въ другое сословіе, а послѣдній—какъ можно меньше дать, и происходилъ постыдный торгъ ¹⁾).

При всемъ этомъ, возможность всяческой «простоты» въ устройствѣ управленія освобожденныхъ крестьянъ, хотя на первое время,—облегчалась перспективой изданія особаго сельскаго устава. Уставъ подлежить изданію впослѣдствіи,—подлежитъ непременно. Онъ необходимъ безусловно и «не можетъ не быть изданъ»... («Матерьялы», ч. V, изд. 1, стр. 43). Въ сельскомъ уставѣ будутъ уже изложены точно и ясно всѣ права и обязанности крестьянъ. Это была общая мысль. Никто противъ нея не возражалъ. Всѣ принимали ее, какъ нѣкоторымъ

членовъ второго приглашенія, нужно замѣтить, что, по собственному признанію редакціонныхъ комиссій, они отличались наибольшею рѣзкостью сужденій о дѣйствіяхъ комиссій и наиболѣе страстною оппозиціею, идя «даже далѣе тѣхъ губернскихъ комитетовъ, которые представляли («Матерьялы», ч. XII, изд. 1, 13).

¹⁾ Заблоцкій-Десятовскій такъ описываетъ обычаи, существовавшіе по этому предмету при крѣпостной зависимости (Заблоцкій. «Гр. Киселевъ», т. IV, 289):

«Крестьянину, желающему выйти изъ состоянія крѣпостной зависимости, помѣщикъ назначаетъ цѣну возможно высшую, произвольную, зависящую отъ многихъ обстоятельствъ. Откупающійся начинаетъ торговаться съ баринѣмъ, и переговоры идутъ иногда довольно долго, съ разными дипломатическими утонченностями. Крестьянинъ старается вывѣдать, когда барину нужны деньги; помѣщикъ стѣсняетъ мужика въ то время, когда ему наиболѣе нужна свобода для его оборотовъ. Отсюда всякаго рода ухищренія. Кончается по большей части тѣмъ, что мужикъ откупается, но величина суммы зависитъ отъ искусства обѣихъ сторонъ.—Брать такимъ образомъ даромъ, вслѣдствіе какого-то нелѣпаго права, деньги, накопленныя нерѣдко кровавымъ трудомъ,—замѣчаетъ изслѣдователь,—никакъ не почитается за стыдъ между помѣщиками... Таковы понятія ихъ о справедливости, о правѣ. Они, напротивъ, хвастаются, когда удастся имъ сорвать большую сумму съ крестьянина, какъ хвастается барышникъ, успѣвшій продать хорошо лошадь. «У меня былъ богатый крестьянинъ, говорилъ М. Онъ захотѣлъ откупиться. Мы поторговались и сошлись на 16 тысячахъ. Но мужикъ, каналья, перехитрилъ меня: онъ оказался послѣ при 200 тыс. руб. Я могъ бы взять съ него тысячъ пятьдесятъ. Вотъ сестра моя была умнѣе. Она не иначе отпустила одного изъ своихъ крестьянъ, какъ взявъ съ него 30 т. р. И взяла славно, потому что капитала осталось только 45 т. р...» Вотъ понятія помѣщиковъ о справедливости! А притомъ М—въ—человѣкъ неглупый, добрый и не закоснѣлый дикарь... Есть вещи въ высшей степени несправедливыя, но столь утвержденные обычаемъ—заключаетъ З—ій-Д—ій,—что даже и порядочные люди не признаютъ ихъ дурной стороны.»

образомъ счастливый выходъ изъ затрудненія на первое время. «Вполнѣ достаточно ограничиться опредѣленіемъ лишь въ общихъ чертахъ предѣловъ власти главнѣйшихъ изъ сельскихъ должностей, — предлагали члены губернскихъ комитетовъ (ч. XII, изд. 1, 90).—Установленіе же подробныхъ по сему узаконеній можетъ, съ явною пользою (якобы) для крестьянъ, быть оставлено до изданія сельскаго устава»...

Зачѣмъ было заниматься точнымъ и подробнымъ опредѣленіемъ закономъ правъ и обязанностей крестьянъ при самомъ освобожденіи? Зачѣмъ было разомъ, ясно и твердо опредѣлять на новыхъ началахъ положеніе крестьянъ?—разсуждали помѣщики, приплетая сюда еще и «пользу для крестьянъ»... Казалось бы, однако, что это было явно необходимо съ точки зрѣнія и интересовъ крестьянъ... Тѣмъ не менѣе, и редакціонныя комиссіи нашли возможнымъ отказаться отъ этого, отложить подобную задачу до неопредѣленнаго будущаго, которое до сихъ поръ не настало, такъ какъ общій уставъ не составленъ и нынѣ...

II.

Редакціонныя комиссіи сами признавали, что «мѣстные обычаи», если и существуютъ, то лишь «въ большей части оброчныхъ имѣній» (т. II, кн. 2, изд. 2, 250), то есть менѣе, нежели въ половинѣ всѣхъ имѣній, населенныхъ крѣпостными крестьянами,—при чемъ и здѣсь, конечно, въ нихъ не могло быть ничего обязательнаго для самого помѣщика, а слѣдовательно, строго юридическаго; юридическое отдѣленіе возразило также, между прочимъ, противъ предположеній объ образованіи сходовъ исключительно по существующимъ «мѣстнымъ обычаямъ», что «по разнообразію этихъ обычаевъ, въ случаѣ жалобъ и споровъ, могутъ встрѣтиться большія затрудненія въ повѣркѣ правильности составленныхъ на сходахъ приговоровъ» (ч. XII, изд. 1, 52). Тѣмъ не менѣе, комиссіи прямо приняли нѣкоторыя изъ приведенныхъ предложеній о допущеніи «существующихъ мѣстныхъ обычаевъ» при опредѣленіи правъ и обязанностей крестьянъ и при устройствѣ ихъ управленія. Послѣднее создано было такимъ образомъ, что долженъ былъ получить широкое примѣненіе не только обычай, такъ сказать, по закону, съ прямаго дозволенія закона, выступающій въ качествѣ нормы права, но и еще шире—обычай, фактически, на дѣлѣ существующій, самъ собою стремящійся получить юридическое значеніе,—обычай, какъ результатъ крайней краткости и неразвитости опредѣленій закона, а то и полного молчанія послѣдняго, и граничащій съ произволомъ, предоставленный всѣмъ вліяніямъ... Понятно также, что за неизданіемъ сельскаго устава до сихъ поръ, какъ ни считался онъ необходимымъ, какъ ни много было отложено до него,—первоначальные предѣлы дѣйствія обычнаго государственнаго права сохранились донынѣ, и даже могли и въ новѣйшее время получить подтвержденіе, въ видѣ расши-

ренія административнаго усмотрѣнія въ крестьянскихъ дѣлахъ, согласно съ общимъ пореформеннымъ отношеніемъ къ этимъ дѣламъ...

Такимъ образомъ, въ самомъ устройствѣ сельскихъ обществъ было допущено много неопредѣленнаго, много открывавшаго путь для произвольныхъ вліяній и обусловливавшаго собою крайнюю шаткость положенія существеннѣйшихъ интересовъ крестьянъ. Напримѣръ, не придано было значеніе юридическаго лица, самостоятельнаго цѣлаго, каждому отдѣльному селенію, и образованы были сельскія общества изъ нѣсколькихъ селеній ¹⁾. Далѣе, не было дано точнаго опредѣленія—«домохозяинъ», какъ члена сельскаго схода, не выяснено, можетъ ли выступать въ качествѣ такого члена со всѣми его правами женщина, долженъ ли домохозяинъ быть владѣльцемъ не только усадебной, но и полевой земли, быть совершеннолѣтнимъ и пр. ²⁾. Обычай и долженъ былъ, слѣдовательно, выступать тутъ съ своимъ руководящимъ значеніемъ,—согласно съ указанными предложеніями. Точно также, въ полное соотвѣтствіе съ приведенными соображеніями 36 членовъ губернскихъ комитетовъ, ст. 47 общаго положенія постановляла, что «со дворовъ многотягольныхъ дозволяется присылать на сходъ двухъ или болѣе крестьянъ, если сіе согласно съ мѣстнымъ обычаемъ» (обстоятельство, которое, кстати сказать, несомнѣнно задерживало впоследствии передѣлы, ибо прямой интересъ «широкодачниковъ» состоялъ въ сохраненіи существующаго въ данный моментъ распредѣленія земли, и усиленное представительство ихъ дворовъ, основанное на допускаявшемся обычаѣ крѣпостныхъ отношеній, вооружало этихъ членовъ до-

¹⁾ См. нашу статью «Полноправныя сельскія общества и безправныя селенія», въ № 6 «Русскаго Богатства» за 1893 г. Статья эта вошла въ упомянутую выше книгу—«Юрид. полож. крестьянъ».

²⁾ Неопредѣленность вытекающаго отсюда положенія, затрагивающаго и хозяйственные интересы крестьянской семьи, и личные права отдѣльныхъ ея членовъ, довольно ярко рисуется въ слѣдующемъ дѣлѣ, на разбирательствѣ котораго волостнымъ судомъ намъ пришлось присутствовать:

Крестьянинъ Б. привлекается, по протоколу старосты, къ отвѣтственности въ томъ, что, разобравъ крышу на своемъ домѣ, онъ пролѣзъ на чердакъ и взялъ оттуда нѣкоторыя вещи... «Что взял?» спрашиваетъ предсѣдатель.—«Да что мнѣ было нужно... для хозяйства... ну, тамъ... денегъ нѣсколько... часть льну»...—«Куда употребилъ?»—«Да куда нужно... по хозяйству»...—«А именно?»—«Да на разныя разности... ну, тамъ... на увеселеніе, какъ-то на угощеніе... попало, можетъ быть, кой-что на храмъ божій, какъ-то, на свѣчи»...—«Староста, — обращается предсѣдатель къ присутствующему лицу съ знакомъ своей должности,—кто у нихъ домохозяинъ?»—«Да *по книжкѣ*-то онъ,—отвѣчаетъ староста, составлявшій протоколъ и являющійся обвинителемъ:—*не кому больше*, хотя онъ и гроша не зарабатываетъ... и *хозяйство ведетъ мать*...»—Въ дѣйствіяхъ Б. не найдено признаковъ преступленія или проступка.—Спрашивается теперь, какимъ же образомъ староста нашелъ возможность привлекать къ отвѣтственности несомнѣннаго безобразника, живущаго на шеѣ матери, и чѣмъ ограждена настоящая хозяйка отъ дальнѣйшихъ подобныхъ же дѣйствій этого «хозяина по книжкѣ»... безъ котораго и «некому» быть хозяиномъ?.. Очевидно,—положеніе не опредѣляется ни закономъ, ни обычаемъ...

вольно сильнымъ средствомъ для этого, въ виду въ особенности требованія для передѣла большинства двухъ третей голосовъ на сходѣ). Обычай былъ, далѣе, прямо допущенъ для опредѣленія способовъ разрѣшенія общественныхъ дѣлъ статьею 56-ю общаго положенія, по которой «голоса собираются или раздѣленіемъ схода на двѣ стороны, и счетомъ голосовъ на каждой сторонѣ стоящихъ, или же инымъ способомъ, по существующему въ каждомъ обществѣ обычаю».

Права и обязанности сельскихъ сходовъ обозначены были односложно, — такъ сказать, лишь перечислены. Слѣдовательно, отправленіе ими обязанностей и осуществленіе правъ могло опредѣляться до извѣстной степени обычаемъ. Однимъ изъ правъ сельскаго схода явилось право постановлять «приговоры объ удаленіи изъ общества вредныхъ и порочныхъ членовъ» и о «временномъ устраненіи крестьянъ отъ участія въ сходахъ не долѣе, какъ на три года». Подобныя полномочія схода, поставленнаго, какъ мы увидимъ ниже, въ зависимости отъ помѣщика, могли, очевидно, прямо и весьма чувствительно отражаться на личныхъ правахъ освобожденнаго крестьянина. Между тѣмъ, по отношенію къ устраненію отъ участія въ сельскомъ сходѣ не было сказано въ законѣ даже о томъ, что оно могло послѣдовать за какую-либо вину, не говоря уже объ обозначеніи, за какую именно; не болѣе опредѣленно было право исключенія крестьянина вовсе изъ числа членовъ общества, такъ какъ «вредъ» и «порочность» — понятія крайне растяжимыя, и степень вреда и порочности, требуемая для ссылки лица, и порядокъ удостовѣренія въ этомъ, — не устанавливались.

Сельскому старостѣ предоставлялось право — «за маловажные проступки», совершенные лицами ему подвѣдомственными, подвергать виновныхъ общественнымъ работамъ до двухъ дней. Опредѣленіе того, что такое «маловажный проступокъ», очевидно, также предоставлялось какъ бы «существующему обычаю», — тому, которымъ вооружался староста и при помѣщикѣ относительно совершенно безправнаго крестьянина. Въ такихъ же предѣлахъ предоставлялось волостному старшинѣ наказывать крестьянъ «за маловажные полицейскіе проступки», понятіе о которыхъ, также не мало не выясняемое, представлялось какъ бы нѣсколько болѣе узкимъ сравнительно съ понятіемъ о маловажныхъ проступкахъ, вообще подвѣдомственныхъ старостѣ, но все-таки весьма широкимъ. Волостному суду, въ свою очередь, предоставлялось судить и наказывать крестьянъ «за маловажные проступки» въ нѣсколько большихъ размѣрахъ: общественными работами до шести дней, арестомъ до семи дней, штрафомъ до трехъ рублей и розгами по двадцати ударовъ. Мировому посреднику по столь же не опредѣленно обозначеннымъ «дѣламъ судебно-полицейскаго разбирательства» предоставлялось далѣе приговаривать лицъ податнаго состоянія къ штрафу до пяти рублей, къ аресту до семи дней, къ общественнымъ работамъ до шести дней и къ наказанію розгами до двад-

цати ударовъ. Выбирать то или иное наказаніе, какъ и волостной судъ, могъ онъ въ каждомъ случаѣ по обычаю. Волостной судъ 12 іюля 1889 г. получилъ право наказывать крестьянъ лишь за опредѣленные въ уставѣ о наказаніяхъ проступки, такъ что съ этого времени крестьяне въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ дѣйствуетъ названный судъ, стали знать о томъ, что имъ воспрещено или предписано подъ страхомъ наказанія. Но какого наказанія?.. Это опять осталось точно неизвѣстнымъ и можетъ опредѣляться обычаемъ, такъ какъ изъ указанныхъ закономъ родовъ наказанія судъ можетъ прилагать къ виновному то или иное наказаніе произвольно, почти безъ всякихъ ограниченій. Наконецъ, земскому начальнику предоставлено наказывать крестьянъ «за неисполненіе его законныхъ распоряженій»,—безъ опредѣленія въ точности, по какимъ предметамъ, въ какихъ случаяхъ и въ какомъ порядкѣ отдаваемыхъ. Такимъ образомъ, въ числѣ важнѣйшихъ личныхъ правъ крестьянъ освобожденныхъ, а съ распространіемъ въ послѣдующее время даннаго имъ устройства на всѣхъ прочихъ сельскихъ обывателей, въ числѣ правъ сельскихъ обывателей вообще, не оказалось общаго для прочихъ гражданъ права отвѣчать за проступки не иначе, какъ по суду и закону,—права, особо установленнаго для государственныхъ крестьянъ еще въ 1779 году (Заблоцкій - Десятовскій. «Графъ Киселевъ и его время», т. II, 31) ¹⁾.

Въ должности, замѣщаемыя по выбору волостными и сельскими сходами, не могли быть, между прочимъ, избираемы лица «завѣдомо развратнаго поведенія». Что это означало? Очевидно, выступала на сцену опять возможность примѣненія «обычая». Избраннаго въ должность общество могло освободить отъ нея «по другимъ причинамъ», кромѣ возраста свыше 60 лѣтъ, предшествовавшей трехлѣтней службы, сильныхъ тѣлесныхъ недуговъ. По какимъ же именно «другимъ причинамъ»? Это опять, очевидно, могъ опредѣлять обычай. Такимъ образомъ, и лишеніе активнаго избирательнаго права (участія въ сходахъ), и лишеніе пассивнаго права (быть избираемымъ), и условія освобожденія отъ должности по избранію,—всѣ эти существеннѣйшія права могли опре-

¹⁾ Въ виду распространенія на государственныхъ крестьянъ въ 1866 г. установленій, созданныхъ для крестьянъ освобожденныхъ, является любопытный вопросъ о согласованіи ихъ съ упомянутымъ особымъ, установленнымъ въ 1779 г., правомъ нынѣшняго на практикѣ совершенно необезпеченнаго личнаго ихъ положенія. По крайней мѣрѣ, при преобразованіи 1866 г. сказано было въ законѣ, что особые права государственныхъ крестьянъ имъ «сохраняются». Настоящее право — отвѣчать не иначе какъ по суду и закону — было, между прочимъ, соблюдено при реформѣ ихъ положенія въ 1838—1839 гг., по проектамъ П. Д. Киселева. Ни на одно должностное лицо не было возложено тогда полномочія подвергать государственныхъ крестьянъ какимъ-либо наказаніямъ безъ суда и закона. См. по этому предмету статью нашу «Наказаніе безъ суда» въ ноябрьской книжкѣ «Журнала Спб. Юрид. Общ.» за 1895 г. Статья эта вошла въ книгу — «Юрид. полож. крестьянъ».

дѣлаться обычаемъ. При всемъ томъ мировому посреднику, впослѣдствіи же уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію и въ новѣйшее время земскому начальнику предоставлено утвержденіе въ должностяхъ лицъ, избираемыхъ крестьянами; но обязанности руководствоваться въ этихъ случаяхъ хотя бы столь неопредѣленно обозначенными отрицательными условіями, не расширяя ихъ еще болѣе, прямо установлено не было для названныхъ учрежденій и должностныхъ лицъ.

Въ чемъ состояли права и обязанности крестьянскихъ сходовъ и должностныхъ лицъ? Это, по указаннымъ условіямъ, могло иногда возбуждать сомнѣнія. Между тѣмъ, за постановленіе сходами приговоровъ по предметамъ, не подлежащимъ ихъ вѣдѣнію, лица, участвовавшія въ такихъ сходахъ, могли подвергаться взысканіямъ со стороны мировыхъ посредниковъ и мировыхъ съѣздовъ, а впослѣдствіи уѣздныхъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ и нынѣ—земскихъ начальниковъ. Далѣе, за проступки по службѣ должностныя лица сельскаго управленія могли подвергаться взысканіямъ со стороны сельскаго старосты, должностныя лица волостного управленія—со стороны волостного старшины и сами волостные старшины и сельскіе старосты—со стороны мирового посредника, впослѣдствіи уѣзднаго присутствія и нынѣ земскаго начальника. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, по крайней неопредѣленности закона, вновь могъ бы выступать «обычай». При этомъ право обжалованія соотвѣтствующихъ распоряженій о взысканіяхъ—или прямо отвергалось, или обходилось молчаніемъ, или же обозначалось недостаточно ясно, и «обычныя» распоряженія, каковы бы они ни были, могли оказаться очень часто безъ надлежащей повѣрки ихъ съ закономъ.

Предположенія о предоставленіи помѣщику званія «начальника общества» не получили осуществленія ¹⁾. Но зато ему было предоставлено званіе «попечителя общества» съ правами «вотчинной полиціи». Если же званіе и «начальника» не предполагалось обставить законностію и публичными формами, то тѣмъ менѣе могло это быть сдѣлано по отношенію къ «попечителю», субъекту правъ вотчинной полиціи. Это званіе должно было носить вполне патріархальный характеръ. Усмотрѣніе должно было царить тутъ какъ бы неизбѣжно, необходимо. Такъ и вышло. Помѣщику вручался «надзоръ за охраненіемъ общественнаго порядка и безопасности на пространствѣ принадлежащаго ему имѣнія».

¹⁾ Усердіе, съ которымъ, какъ мы видѣли, была развита губернскими комитетами глава IX программы, заставило обратить вскорѣ особое вниманіе на эту главу... Въ выс. одобренныхъ 4 декабря 1858 г. по журналу главнаго комитета основаніяхъ для руководства при разсмотрѣніи проектовъ и положеній губернскихъ комитетовъ было именно выражено: «обратить вниманіе на IX главу программы, сообразивъ: можетъ ли глава сія оставаться въ прежней силѣ»... Здѣсь же, какъ бы вмѣсто этой главы, постановлялось: «Власть надъ личностію крестьянина по исполненію или нарушенію имъ обязанностей члена сельскаго общества сосредоточивается въ мірѣ и его избранныхъ. Помѣщикъ долженъ имѣть дѣло только съ міромъ, не касаясь личностей». («Матеріалы», т. I, кн. 1, изд. 2, стр. 208).

Въ силу этого же права, онъ могъ предъявлять сельскому старостѣ рядъ требованій. Требования должны были быть «законными». Но они обозначались односложно и въ довольно широкихъ выраженіяхъ, и слѣдовательно законность ихъ содержанія въ сущности опредѣлялась обычаемъ,—обычаемъ, относительно котораго требовать отъ помѣщика отчета было крайне затруднительно. Между тѣмъ, неисполненіе сельскимъ старостою требованій помѣщика и вообще «неисправное исполненіе» имъ—какъ говорилось въ ст. 153 общаго положенія — обязанностей, отсюда возникавшихъ, могло влечь за собою не только извѣстное взысканіе со стороны мирового посредника, но и удаленіе отъ должности. Помѣщикъ могъ также требовать удаленія отъ должности волостного и сельскаго писаря, если «усматривалъ», что онъ «неблагонадеженъ». Но что такое быть «неблагонадежнымъ» для писаря, въ законѣ не пояснялось ни однимъ словомъ, и слѣдовательно, тутъ могъ всецѣло дѣйствовать «обычай» или, что то же, произволъ. Помѣщикъ могъ, далѣе, требовать предоставленія ему всѣхъ или нѣкоторыхъ приговоровъ сельскаго схода и, если усматривалъ также въ нихъ «распоряженіе, противное существующимъ постановленіямъ, или вредное для благосостоянія общественнаго, или же нарушающее права помѣщичьи», то могъ приостанавливать приведеніе даннаго приговора въ исполненіе. Произволъ могъ вновь получать, какъ видно, весьма широкое примѣненіе. Наконецъ, въ продолженіе первыхъ девяти лѣтъ по освобожденіи, помѣщику предоставлялось право требовать удаленія изъ общества крестьянина, присутствіе котораго онъ признаетъ «вреднымъ и опаснымъ». Въ чемъ должны были выражаться «вредъ» и «опасность» для того, чтобы влечь за собою такія послѣдствія, такое тяжкое наказаніе? Это, равнымъ образомъ, не пояснялось ни однимъ словомъ. Слѣдовательно, и здѣсь какъ бы могъ дѣйствовать обычай, въ силу котораго, при существованіи крѣпостной зависимости, крестьяне, по безконтрольному усмотрѣнію помѣщика, ссылались не только въ Сибирь на поселеніе, но—одно время—даже въ каторжныя работы.

Въ такомъ видѣ представлялись личныя и общественныя права освобожденныхъ крестьянъ въ теченіе временно-обязаннаго состоянія. Крестьяне эти, какъ видно, далеко не ставились еще подъ охрану закона и не ограждались въ должной мѣрѣ отъ дѣйствія произвола и усмотрѣнія...

Такое положеніе ихъ вытекало и изъ тѣхъ началъ, на которыхъ покоились и по которымъ дѣйствовали учрежденія, специально предназначенныя для охраны правъ освобожденныхъ крестьянъ и для разрѣшенія различныхъ вопросовъ объ ихъ обязанностяхъ и отвѣтственности. Такимъ учрежденіемъ являлся волостной судъ. Согласно же съ указанными выше предложеніями губернскихъ комитетовъ, судъ этотъ былъ судомъ патріархальнымъ, въ порядкѣ дѣлопроизводства руководящимся почти исключительно обычаемъ. Въ тѣхъ же волостяхъ, гдѣ, по предположенію закона, имѣлся судъ, «учрежденный по мѣстнымъ обы-

чаямъ» (прим. 2 къ ст. 93 общ. положенія), тамъ онъ вполнѣ сохранялся. Слѣдовательно, судъ дореформенный, отмѣченный всѣми особенностями помѣщичьяго вліянія, могъ дѣйствовать мѣстами и послѣ реформы, весьма мало вѣдая о тѣхъ правахъ, которыя онъ долженъ былъ охранять, и о тѣхъ юридическихъ вопросахъ, которые долженъ былъ отнынѣ разрѣшать. Затѣмъ, среди неосуществившихся предположеній редакціонныхъ комиссій было предположеніе объ особомъ установленіи, предназначавшемся для охраны и разрѣшенія правъ и обязанностей освобожденныхъ крестьянъ, въ порядкѣ разсмотрѣнія жалобъ на волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ, равно на злоупотребленія и незаконныя дѣйствія сходовъ и пр. Въ качествѣ такого установленія долженъ былъ выступать именно «участковый крестьянскій судъ», изъ крестьянъ, избранныхъ сходами, долженствовавшій состоять при каждомъ мировомъ посредникѣ. Всѣ дѣла судъ этотъ долженъ былъ разрѣшать «на основаніи мѣстныхъ обычаевъ» (ст. 107—112 проекта общаго положенія, ч. XVIII «Матеріаловъ», изд. 1). Не упоминалось вовсе объ обязанности для этого суда какихъ-либо законовъ. И—легко понять, что при существованіи такого учрежденія и при предполагавшемся *безапелляціонномъ* характерѣ его постановленій, могли бы еще шире, чѣмъ допускала буква закона, примѣняться обычаи крѣпостныхъ отношеній къ освобожденнымъ крестьянамъ, и даже существеннѣйшія законныя права ихъ могли не получить никакого огражденія,—при чемъ подобное положеніе дѣлъ освящалось бы, такъ сказать, согласіемъ представителей отъ самихъ крестьянъ (которые, конечно, на самомъ дѣлѣ, находились бы въ полной зависимости отъ посредника). Въ концѣ концовъ, за непринятіемъ предложенія объ участковомъ крестьянскомъ судѣ, дѣла, подлежащія разрѣшенію при его участіи, предоставлены были единоличной власти мирового посредника, какъ представителя мѣстнаго помѣщичьяго сословія. Подчиняясь же въ такихъ случаяхъ большому контролю, нежели проектировавшійся участковый крестьянскій судъ, мировой посредникъ долженъ былъ уже разрѣшать подобныя дѣла «на основаніи собранныхъ доказательствъ, законоположеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости», и—хотя также—«мѣстныхъ обычаевъ», но—пояснялось уже тутъ—«если сіи послѣдніе не противорѣчатъ существующимъ законамъ и положеніямъ о крестьянахъ» (ст. 56 пол. о мѣстныхъ учрежденіяхъ по крест. дѣламъ). Соотвѣтствіе его постановленій съ этими положеніями не обезпечивалось, однако достаточно широкимъ правомъ обжалованія. При повѣркѣ сдѣлокъ, заключавшихся между помѣщиками и крестьянами, мировому посреднику также предписывалось наблюдать, чтобы сдѣлки эти были «согласны какъ съ положеніями о крестьянахъ, такъ и съ общими законами» (ст. 85 того же положенія). А такъ какъ чрезъ подобныя сдѣлки, дѣйствительно, могли проникать ограниченія правъ освобожденныхъ крестьянъ, то и въ общее положеніе введено было постановленіе о томъ, чтобы «во-

обще заключаемыя между помѣщиками и крестьянами сдѣлки не были противны общимъ гражданскимъ законамъ и не ограничивали правъ личныхъ, имущественныхъ и по состоянію, предоставляемыхъ крестьянамъ» (ст. 6). Но новыя права не были, какъ мы видѣли, обозначены точно и ясно, съ надлежащими подробностями, впредь до изданія сельскаго устава; права же помѣщиковъ, открывавшія различныя пути для примѣненія обычаевъ и подлежавшія отмѣнѣ, не были съ тою же точностію и ясностію перечислены въ законѣ. Въ то же время относительно общихъ гражданскихъ законовъ вскорѣ явилось весьма укоренившееся воззрѣніе, объявившее ихъ *совершенно непримѣнимыми къ крестьянамъ*, воззрѣніе, раздѣлявшееся и нѣкоторыми несомнѣнными доброжелателями народа... незамѣчавшими, къ чьей явной пользѣ оно клонилось... забывавшими и о томъ, что руководство единственно обычаемъ въ области гражданскихъ правъ характеризовало положеніе крестьянъ при существованіи крѣпостной зависимости и было равнозначуще съ безправіемъ ¹⁾).

III.

Вообще положенія 19 февраля 1861 г. были таковы, что правильное руководство ими было невозможно и для людей, вооруженныхъ всѣми тѣми средствами для уразумѣнія точнаго смысла закона, которыя даетъ наука. Выясненіе истинныхъ правъ, пріобрѣтавшихся крестьянами, въ особенности при столкновеніи съ правами помѣщика и ближайшихъ властей, представляло нерѣдко огромныя затрудненія и для такихъ людей. Для лицъ же, вовсе невооруженныхъ надлежащими знаніями, трудности эти представлялись положительно непреодолимыми. Отсюда ясно какъ широко должны были примѣняться еще къ освобожденнымъ крестьянамъ обычаи крѣпостныхъ отношеній, какъ трудно установить въ каждомъ данномъ случаѣ предѣлы дѣйствія прямо и косвенно допускавшихся такимъ образомъ обычаевъ и условія ихъ юридическаго значенія. Между тѣмъ *установить это, очевидно, весьма важно въ интересахъ личныхъ и общественныхъ правъ крестьянъ*.

Каковы же вообще эти условія и предѣлы?

Важнѣйшимъ предѣломъ этого рода служитъ отсутствіе обычаевъ или недостаточная ихъ опредѣленность. Коль скоро обычаевъ нѣтъ, или существованіе ихъ не можетъ быть доказано, или же они возбуждаютъ споры, возраженія и сомнѣнія, или же, наконецъ, явно противорѣчатъ личнымъ общимъ правамъ крестьянъ,—то данное дѣло должно быть разрѣшено на основаніи закона или по общему духу законодательства. Иначе пришлось бы допустить, что оно можетъ быть разрѣшено произвольно. Во всѣхъ такихъ случаяхъ низшее мѣсто должно дѣлать представленіе высшему, въ порядкѣ подчиненности. Сообразно

¹⁾ См. объ этомъ въ статьѣ нашей «Крестьяне и общее гражданское право» напечатанной въ №№ 5 и 6 «Журнала Юридическаго Общества» за 1896 г.

же съ указанною крайнею трудностью разрѣшенія крестьянскихъ вопросовъ, закономъ 25 мая 1882 г. было предписано губернскимъ по дѣламъ присутствіямъ (и законъ этотъ, несомнѣнно, сохраняетъ силу и для новыхъ губернскихъ присутствій, такъ какъ находится въ тѣсной связи со статьею 52 законовъ основныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вытекаетъ изъ отсутствія сельскаго устава, предполагавшагося къ составленію въ законодательномъ порядкѣ) представлять въ сенатъ, между прочимъ, тѣ «дѣла какъ по поземельному и хозяйственному устройству крестьянъ, такъ и по правамъ крестьянъ личнымъ, по состоянію, по общественному и волостному ихъ устройству и пр., при разрѣшеніи которыхъ присутствіе встрѣтитъ или отсутствіе закона, или сомнѣніе въ истинномъ смыслѣ онаго, или же, наконецъ, признаетъ, что буквальное примѣненіе закона въ данномъ случаѣ была бы невозможно». Разрѣшеніе перечисленныхъ вопросовъ—почти всѣхъ, какіе могутъ возбуждаться на мѣстахъ относительно крестьянъ — предоставлено, такимъ образомъ, высшей власти. А такъ какъ и сенатъ не можетъ разрѣшать никакого дѣла, не имѣя точнаго закона, и ему предоставлено право представлять о неудобствахъ законовъ, то, слѣдовательно, подобное предписанное закономъ 25 мая 1882 г. направленіе вопросовъ крестьянскаго права имѣетъ своею цѣлью разрѣшеніе ихъ въ законодательномъ порядкѣ, и упомянутый законъ составляетъ какъ бы развитіе ст. 52 законовъ основныхъ (устанавливающей въ сущности подобное же правило относительно всякаго рода дѣлъ, разрѣшаемыхъ всѣми учрежденіями вообще). И несомнѣнно, что если бы это правило основныхъ законовъ, а въ послѣдствіи и закона 25 мая 1882 г., соблюдалось со времени самой реформы 19 февраля 1861 г. или, по крайней мѣрѣ, съ 1882 г., то мы имѣли бы уже если не сельскій уставъ цѣликомъ, то компетентное разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, которые должны были войти въ него, болѣе или менѣе точное установленіе всѣхъ правъ и обязанностей крестьянъ, какъ свободныхъ сельскихъ обывателей. Но общая необеспеченность точнаго исполненія законовъ сказалась въ этомъ ярче, нежели въ чемъ-либо,—между прочимъ, вслѣдствіе полной юридической безпомощности крестьянъ: крестьяне не имѣли возможности обезпечить свои права и частнымъ путемъ жалобъ... ¹⁾

Вторымъ важнѣйшимъ ограниченіемъ дѣйствія обычаевъ среди освобожденныхъ крестьянъ является то обстоятельство, что хотя точное указаніе ихъ правъ отложено было до сельскаго устава, и самаго устава не издано до сихъ поръ,—все же, однако, принципиально за освобожденными крестьянами признаны были права свободныхъ сельскихъ обывателей, и со времени 19 февраля 1861 г., рядомъ различныхъ мѣропріятій, крестьяне въ извѣстной мѣрѣ приобщены къ общимъ

¹⁾ См. статью «Юридическая безпомощность крестьянъ»—въ № 4 «Русскаго Богатства» за 1894 г. Статья эта вошла въ книгу «Юридическое положеніе крестьянъ».

правамъ другихъ сословій. Общія права состоянія, права свободныхъ сельскихъ обывателей не указаны до сихъ поръ точно и ясно, но они принадлежатъ, конечно, освобожденнымъ крестьянамъ, и ихъ наличность можетъ быть установлена путемъ толкованія. Притомъ «срочно-обязанное состояніе» окончилось съ переходомъ крестьянъ на выкупные платежи; помѣщикъ утратилъ права вотчинной полиціи, и еще ранѣе того, съ 1870 г., прекратилось для него право требовать ссылки бывшихъ «его» крестьянъ, кажущихся ему «вредными» и «опасными». Нечего и говорить затѣмъ о невозможности иначе представлять себѣ правовое положеніе бывшаго государственнаго крестьянина, не смотря на реформу 1866 г., хотя и подчиненнаго одинаковому съ крѣпостнымъ крестьяниномъ управленію, но съ сохраненіемъ прежнихъ правъ.

3
8
5
7
Указанныя начала должны были имѣться въ виду уѣздными по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями при составленіи инструкцій «для руководства волостнымъ и сельскимъ обществамъ и должностнымъ лицамъ относительно порядка исполненія возложенныхъ на нихъ закономъ обязанностей». Въ самомъ законѣ 27 іюня 1874 г., установившемъ за уѣздными присутствіями право и обязанность составленія такихъ инструкцій, было сказано совершенно точно, что онѣ «не должны противорѣчить заключающимся въ положеніяхъ о крестьянахъ и въ дополнительныхъ къ нимъ постановленіяхъ узаконеніямъ». Въ такого рода инструкціяхъ можетъ, слѣдовательно, заключаться родъ обычнаго права, но права, поставленнаго въ строго законные предѣлы. Оттого уѣздныя присутствія не могутъ претендовать на то, чтобы, за отсутствіемъ по тому или иному предмету закона, постановленія ихъ инструкцій принимались въ равной съ закономъ обязательной силѣ ¹⁾. То же самое можно сказать объ инструкціяхъ, которыя предоставлено составлять уѣзднымъ съѣздамъ въ мѣстностяхъ, гдѣ введены законоположенія 12 іюля 1889 г.

Относительно предѣловъ дѣйствія обычнаго публичнаго права въ частныхъ случаяхъ, можно замѣтить слѣдующее (и замѣчанія наши могутъ быть лишь весьма краткими, такъ какъ обычное публичное право почти вовсе не изслѣдовано ²⁾).

¹⁾ Такого рода притязанія однако предъявлялись на дѣлѣ. Указомъ сената отъ 31 января 1884 г. былъ признанъ *противнымъ закону* одинъ изъ параграфовъ инструкцій ахтырскаго уѣзднаго по крест. дѣламъ присутствія. Между тѣмъ, одинъ волостной старшина подвергнутъ былъ взысканію за неисполненіе именно того, что предписывалось этимъ параграфомъ. При этомъ объясненія его о томъ, что онъ «не зналъ объ инструкціи», признаны были не заслуживающими уваженія, потому что, —разсуждало присутствіе, — «никто не долженъ отговариваться невѣдѣніемъ закона, а инструкція, составленная на основаніи закона и утвержденная подлежащею властію, настолько же обязательна, насколько обязательны и самый законъ». (Сборникъ рѣшеній сената за 1882—1888 гг., Горемыкина, 151).

²⁾ О свойствѣ матеріаловъ, имѣющихся по этому отдѣлу обычнаго права, Е. И. Якушкинъ замѣтилъ въ свое время («Обычное право», в. I. XXII): относительно сельской общины, мы встрѣчаемъ только отрывочные замѣтки, дающія самыя смут-

Обычай, устраняющій женщину отъ участія въ сельскомъ сходѣ, или ограничивающій ея права, какъ члена схода, едва ли былъ бы законенъ. Юридическимъ лицомъ, которому предоставлено въ сущности это участіе, является, по общему смыслу законодательства, крестьянскій дворъ. Подобное право дворъ осуществляетъ чрезъ представителя, домохозяина, а по его волѣ, и чрезъ «кого-либо изъ членовъ его семейства». Не только, слѣдовательно, по волѣ домохозяина, за невозможностію для него быть самому на сходѣ, можетъ быть послана для участія въ послѣднемъ женщина изъ числа членовъ семейства, но женщина можетъ быть и сама домохозяиномъ. При этомъ, женщина, являющаяся на сходѣ, должна быть признаваема *полноправнымъ* его членомъ, ибо законъ не различаетъ среди членовъ сельского схода лицъ съ разными полномочіями, подобно тому, какъ различаются имъ члены дворянскихъ собраній,—всѣхъ членовъ сельского схода законъ признаетъ въ равной силѣ, съ одинаковыми правами, и только по общему закону, ограничивающему права русской женщины, крестьянская женщина не можетъ быть избираема въ должности по общественному управленію ¹⁾).

ныя о ней понятія. Даже въ книгѣ П. С. Ефименко («Народные обычаи въ Архангельской губ.»), всѣ сочиненія котораго отличаются большою полнотою и близкимъ знакомствомъ съ народною жизнью, мы не находимъ полной картины крестьянскаго управленія, а только описаніе мірскаго схода и выборовъ». Со времени этого замѣчанія (съ 1875 года) матеріалъ по данному предмету не получилъ особаго восполненія.

¹⁾ Посѣщая сельскіе сходы, мы не могли не замѣтить того безправнаго положенія, которое предоставляется крестьянской женщинѣ существующими обычаями, образовавшимися вслѣдствіе неопредѣленности закона и отсутствія надлежащаго огражденія ея правъ съ этой стороны... Прежде всего въ настоящемъ отношеніи наблюдается полный произволъ и совершенная разнголосица. Мѣстами женщина допускается къ участію въ сельскомъ сходѣ съ тѣми или иными правами, мѣстами же не допускается, хотя законъ едва ли предполагалъ послѣднее. Далѣе, и въ случаяхъ допущенія къ участію въ сходахъ, женщины пользуются здѣсь большею частью такими правами, что ихъ участіе не приноситъ никакой пользы общественному дѣлу. Онѣ вовсе не вступаютъ въ сужденія по рѣшаемымъ вопросамъ на сходахъ. Дѣла обсуждаются и рѣшаются мужчинами. Женщинамъ предлагается только подписываться подъ приговорами. Въ этомъ обыкновенно вся ихъ роль. Активная роль, въ которой рисуется крестьянская женщина въ извѣстномъ произведеніи г. Полушина для народнаго театра «Василиса Марковна, или правда и въ сарафанѣ сильна»,—явленіе исключительное... Василиса Марковна могла еще выступить до извѣстной степени полноправнымъ членомъ сельского схода, потому что она бездѣтная вдова-домохозяйка. Вдовы имѣющія, сыновей, не допускаются къ участію въ сходахъ во многихъ мѣстахъ. По достиженіи сыновьями 18 лѣтъ, представительство переходитъ къ нимъ. Отлучающимся же изъ общества сыновьямъ такихъ вдовъ вмѣняется въ обязанность передавать (съ платою) свой голосъ односельцу-мужчинѣ и не дозволяется даже уполномочивать матерей для участія на сходахъ. Однажды на сельскомъ сходѣ намъ пришлось видѣть вдову-крестьянку, оставшуюся послѣ мужа съ малолѣтнимъ сыномъ и управлявшую хозяйствомъ около 15 лѣтъ совершенно самостоятельно, да и въ то время несшую на себѣ всѣ хозяйственныя обя-

Усиленное представительство на сходѣ многотягольнаго двора не можетъ былъ допущено обычаемъ въ такихъ предѣлахъ, чтобы оказывался одинъ представитель отъ каждаго тягла, или душевого надѣла земли, числящагося за этимъ дворомъ. Каждый дворъ предполагается состоящимъ не изъ одного, а изъ двухъ или трехъ тяголъ. Однако, каждому двору, или среднему двору, предоставляется посылать на сходъ одного представителя. Поэтому, обычай, который предоставлялъ бы многотягольному двору посылать на сходъ по одному представителю отъ каждаго тягла, тѣмъ самымъ устанавливалъ бы не усиленное, а чрезмѣрное представительство многотягольнаго двора и выходилъ бы изъ предѣловъ закона.

Способъ подачи и собиранія голосовъ на крестьянскомъ сходѣ, опредѣленіе котораго предоставлено обычаю, долженъ обезпечивать безпристрастіе и весьма важные интересы, соединенные съ иными дѣлами схода. Поэтому можно считать, что обычай *открытой* подачи голосовъ по всѣмъ вопросамъ и дѣламъ, безъ исключенія, и въ томъ числѣ по такимъ щекотливымъ вопросамъ, какъ избраніе въ должности или назначеніе должностнымъ лицамъ жалованья, выходилъ бы изъ существеннѣйшихъ видовъ закона, дающаго свои опредѣленія по этому предмету и относительно собраній, отъ представителей которыхъ можно требовать гораздо большаго гражданскаго мужества, чѣмъ отъ крестьянъ. О существующемъ же порядкѣ выборовъ въ должности, напримѣръ, судей извѣстны слѣдующія показанія крестьянъ (Скоро-богатый, «Устройство крестьянскихъ судовъ», 44): «При выборѣ голосами крику много больше, чѣмъ толку, такъ что неизвѣстно, что кричатъ, а кому надо, тотъ и скажетъ: «вотъ народъ кричитъ, чтобы избрать такого-то»,—анъ на дѣлѣ-то крикъ значилъ совсѣмъ другое. Поглядишь иногда, поглядишь, плюнешь, да прочь пойдешь. При выборахъ въ волостные судьи порядочные люди молчатъ, и слово сказать бояться, а шальные да пьяные кричатъ—ну, и выберутъ кто имѣ не любъ.—Часто по поводу выборовъ судей возникаютъ на волостномъ сходѣ разногласія и ссоры, которыя переходятъ иногда въ повальную драку. Всѣ кричатъ, и никто другъ друга не слушаетъ, молчатъ только порядочные хозяева».—Очевидно, что обычай не обезпечиваетъ (или, по крайней мѣрѣ, не обезпечивалъ въ то время, къ ко-

занности по деревнѣ, такъ какъ сынъ жилъ на сторонѣ. Незадолго до описываемаго случая послѣдній достигъ совершеннолѣтія, и — теперь потребовалось объясненіе, почему она явилась на сходъ... «Да *голосъ нашъ умеръ*, потому и пришла»... объяснила она, то есть: односелецъ, которому сынъ долженъ былъ передать свой голосъ помимо ея, умеръ, и она сочла, что въ такомъ случаѣ можно идти на сходъ и ей вмѣсто сына... Но и на сей разъ она не была признана въ правахъ члена схода... (См. по вопросу о поземельныхъ и общественныхъ правахъ крестьянской женщины нашу особую статью въ № 1 «Наблюдателя» за 1891 г.). — Статья эта вошла въ книгу «Юридическое положеніе крестьянъ».

торому относятся эти отзывы, въ семидесятихъ годахъ) задачи сходовъ и существеннѣйшіе интересы крестьянъ ¹⁾). Вопросъ о порядкѣ разрѣшенія дѣлъ на сходахъ и вообще самъ по себѣ такъ важенъ, и имѣется такъ много данныхъ, свидѣтельствующихъ о неудовлетворительномъ его положеніи, что необходимость правильного опредѣленія

¹⁾ Въ отношеніи существующихъ по этому предмету обычаевъ должна наблюдаться существенная разниа между бывшими помѣщичьими и бывшими государственными крестьянами. У первыхъ, конечно, не могло быть извѣстно баллотированіе и вообще не могли быть развиты правильные способы подачи голосовъ, надлежащій порядокъ выборовъ и пр., такъ какъ они не пользовались самоуправленіемъ въ настоящемъ смыслѣ слова и находились всецѣло подъ дѣйствіемъ помѣщичьяго усмотрѣнія. Наоборотъ, относительно государственныхъ крестьянъ законъ, отмѣненный въ 1866 г., давалъ точное и подробное опредѣленіе во всемъ этимъ предметамъ. Обеспечивая полную самостоятельность сходовъ и *воспрещая* присутствовать при совѣщаніяхъ ихъ и при производствѣ выборовъ чиновникамъ палаты государственныхъ имуществъ (ст. 5011 т. II, ч. 2, изд. 1857 г.), для того, чтобы самостоятельность эта не нарушалась со стороны,—законъ въ то же время стремился обезпечить ее и внутри сходовъ, создать условія безпристрастнаго разрѣшенія сходами вопросовъ, предоставленныхъ ихъ вѣдѣнію. Между прочимъ же, ст. 589 и слѣд. т. III, устава о службѣ по выборамъ сословій опредѣляли предварительное назначеніе самими выборщиками кандидатовъ и производство выборовъ *непремѣнно открытымъ способомъ—шарами*. Подобный законный порядокъ долженъ, несомнѣнно, сохраняться и понынѣ среди государственныхъ крестьянъ, въ виду его жизненности. Можно полагать также, что его усваиваютъ и даже въ значительной степени уже усвоили и бывшіе помѣщичьи крестьяне, если въ этомъ отношеніи не встрѣчалось препятствій со стороны мѣстныхъ учреждений по крестьянскимъ дѣламъ. Намекъ на встрѣчавшееся препятствіе съ этой стороны однако заключается въ рѣшеніи сената отъ 21 октября 1883 г. («Сборникъ» г. Горемыкина, 100). Здѣсь сенатъ призналъ, что въ дѣйствующихъ о крестьянахъ законоположеніяхъ не содержится ограниченій о производствѣ выборовъ исключительно закрытою баллотировкою, и «слѣдовательно, установленіе сего порядка предоставляется усмотрѣнію самого крестьянскаго общества». Дѣло же, по которому возникло это рѣшеніе, началось вслѣдствіе прошенія отъ имени крестьянъ стежинской волости, Козловскаго уѣзда, никакъ не подписаннаго, съ изложеніемъ въ немъ жалобы на различныя злоупотребленія по должности волостнаго старшины Ковылина, состоящаго въ этой должности съ 1867 г. «Жаловаться на старшину,—говорилось, между прочимъ, въ прошеніи,—нельзя, такъ какъ онъ, въ присутствіи его самого и члена уѣзднаго присутствія Каменева, *всегда выбирается не шарами, а голосами*, чрезъ подобранныхъ по волости выборныхъ, и если приказано будетъ произвести дознаніе члену присутствія Каменеву, то старшина будетъ во всемъ оправданъ, какъ это однажды уже и случилось»... Извѣстно также, что земскіе начальники, почти всегда присутствуя на выборахъ, нерѣдко, въ свою очередь, настаиваютъ именно на открытѣмъ голосованіи въ тѣхъ случаяхъ, когда желаютъ, чтобы осталось служить прежнее должностное лицо. Расчетъ оказывается всегда вѣрнымъ: десятокъ голосовъ гораздо смѣлѣе и громче прокричить: «старого»!.. чѣмъ два-три голоса: «новаго»!.. при массѣ избирателей, хотя и не безучастной, но могущей высказывать свои желанія только при закрытой баллотировкѣ; молчаніе же массы признается за знакъ согласія съ тѣми, кто, выступая впередъ, кричитъ: «старого! старого!».

его закономъ представляется въ высшей степени настоятельною, обусловливаемою существеннѣйшими интересами крестьянъ ¹⁾).

¹⁾ Нужно видѣть крестьянскіе сходы, для того чтобы понять недостатки нынѣшняго положенія забытаго закономъ вопроса о порядкѣ обсужденія и рѣшенія дѣлъ на сходахъ,—для того чтобы также удерживаться отъ несправедливыхъ упрековъ, нерѣдко обращаемыхъ къ нашему крестьянскому самоуправленію... Прежде всего, не только членамъ сельскаго схода, но и выборнымъ схода волостного не объявляется заранее, какія именно дѣла предстоить имъ разрѣшать. Возможности обсудить дома, до схода, предстоящія дѣла, поговорить о нихъ заблаговременно домохозяевамъ одной деревни, посоветоваться о нихъ выборному волостнаго схода со своими односельцами-избирателями не предоставляется никакой. Крестьяне идутъ на сходы и ждутъ его открытія въ полномъ невѣдѣніи того, для чего они вызываются. Само собою, по обычаю, при молчаніи закона, не создается иного порядка въ настоящемъ существеннѣйшемъ отношеніи, опредѣляющемъ уже въ значительной степени дальнѣйшую судьбу дѣлъ схода. И это въ то время, когда сельское общество представляется обыкновенно состоящимъ изъ нѣсколькихъ, иногда многихъ деревень. Далѣе, на самомъ сходѣ доклада дѣлъ почти не происходитъ. Объявляется односложно старшиною, старостою или писаремъ, что нужно де постановить приговоръ о томъ-то; но почему, отчего, на какихъ основаніяхъ и данныхъ—это очень рѣдко поясняется. Оттого иногда простѣйшія дѣла не получаютъ на сходахъ надлежащаго разрѣшенія. Два раза при насъ одно дѣло не получало на сходѣ разрѣшенія, создавая большія и совершенно ненужныя затрудненія для заинтересованныхъ лицъ; но стоило на третьемъ сходѣ одному крестьянину (возвратившемуся въ то время изъ отхожаго промысла и явившемуся на сходъ) объяснить дѣло толкомъ и—оно получило разомъ желаемое разрѣшеніе, къ удовольствію всѣхъ участниковъ схода, сознавшихъ, что они напрасно затягивали постановленіе приговора. Затѣмъ, и порядка въ обсужденіи дѣлъ на сходѣ обыкновенно не соблюдается никакого. Небольшая кучка кричитъ очень громко; можно слышать отдѣльные односложные возгласы; восклицанія сопровождаются иногда отчаянной жестикуляціей; когда такого рода «пренія» слишкомъ затягиваются, эта же кучка выходитъ въ коридоръ покричать на свободѣ. Но, когда «пренія» и стихаютъ, невозможно бываетъ, въ особенности съ непривычки, понять, на чемъ и почему остановилась относительно рѣшенія дѣла даже эта кучка въ составѣ схода. Что же касается до массы членовъ схода, то она безучастна; изрѣдка поднимается изъ нея чей-нибудь одинокій голосъ... (да при неопредѣленности правъ на участіе въ сходѣ, не всегда можно и высказывать свое мнѣніе участникамъ: оно можетъ не понравиться старостѣ или старшинѣ и повлечь за собою лишеніе права участія въ общественныхъ дѣлахъ. И писарь обращается не къ массѣ членовъ схода, а именно къ дѣятельной кучкѣ въ его составѣ съ вопросомъ: «ну, что же? такъ что ли? на этомъ ли порѣшили? такъ ли записать»?.. читая нерѣдко заранее составленный приговоръ... (Астыревъ указываетъ, что даже приговоры объ учетѣ почти всегда и всюду составляются заранее: «Въ волостныхъ писаряхъ», 1 изд., стр. 39). И опять—безпорядочные крики... Такъ ли, не такъ ли?—выяснить это по новымъ преніямъ, равнымъ образомъ, невозможно. Оттого и окончательно составленный или лучше *записанный* приговоръ является какъ бы случайнымъ... Словомъ, правильной подачи голосовъ на сходѣ не существуетъ; масса членовъ ограничиваетъ свое участіе въ дѣлахъ только тѣмъ, главнымъ образомъ, что подписывается подъ состоявшимися описаннымъ путемъ приговорами (и на этомъ фонѣ, въ тѣхъ сходахъ, гдѣ участвуютъ женщины, не поражаетъ уже и безправіе послѣднихъ). Во всемъ же этомъ и коренится, между прочимъ, главное объясненіе нерѣдко встрѣчающихся неправильныхъ, явно несоотвѣтствующихъ интересамъ общества, несправедливыхъ приговоровъ.

Хотя законъ предоставилъ сельскому сходу право исключать изъ своей среды «вредныхъ и порочныхъ членовъ», не указавъ обязанности пояснять при этомъ, въ чемъ именно заключается порочность лица, тѣмъ не менѣе обычай не долженъ былъ бы освобождать отъ подобной обязанности. Рѣчь идетъ о слишкомъ тяжелой отвѣтственности для крестьянина. Какъ свободный сельскій обыватель, онъ не можетъ подвергаться ей нынѣ по безотчетной волѣ схода, подобно тому, какъ подвергался ссылкѣ въ Сибирь по безотчетной волѣ помѣщика прежде, при существованіи крѣпостной зависимости. Всегда должны быть поэтому точно устанавливаемы доказательства дѣйствительной порочности и вреда ссылаемаго лица ¹⁾. То же самое можно сказать объ еще менѣе опредѣленно выраженномъ правѣ «временнаго устраненія крестьянъ отъ участія въ сходахъ».

Предоставленіе опредѣленію обычаямъ «маловажныхъ проступковъ», за которые крестьяне могутъ быть подвергаемы взысканіямъ волостными старшинами, сельскими старостами и волостными судами прежняго устройства, не предполагаетъ однако, чтобы крестьяне могли быть наказываемы за дѣянія, которымъ, по общимъ началамъ права, невозможно придать значеніе преступленія или проступка. Обычай долженъ покоиться все же на извѣстныхъ разумныхъ основаніяхъ. Право наказанія, принадлежащее, по современнымъ понятіямъ, единственно государственной власти, слишкомъ существенно, слишкомъ близко затрагиваетъ важнѣйшія права личности, слишкомъ ограничиваетъ ея

Напрасно укоряютъ въ нихъ народъ иногда даже такіе доброжелатели его, какъ покойный Астыревъ... А на стр. 244 перваго изданія своихъ очерковъ крестьянскаго самоуправления—«Въ волостныхъ писаряхъ»—онъ говорилъ, напримѣръ: «Разумъ у крестьянъ, при видѣ водки, какъ бы перестаетъ дѣйствовать, и въ тѣмъ большей степени, чѣмъ ихъ больше собрано вмѣстѣ; каждый изъ нихъ порознь, за малыми исключеніями, еще можетъ отказаться отъ водки, предлагаемой за какое-нибудь грязное дѣло; тоже и по-двое, пожалуй, и по-трое; но если собралась толпа, то стремленіе находящихся въ числѣ ея единичныхъ коренныхъ пьяницъ дорваться до водки, какою бы то ни было цѣною, какъ бы электрическимъ токомъ передается всему сходу; желаніе выпить въ компаніи, поразнообразить безшабашной гульбой свою вѣчно сѣрую, будничную жизнь, заговариваетъ съ особою силою, и—сходъ дѣлаетъ невѣроятныя вещи: отдаетъ за безцѣнокъ мірскую землю, пропиваетъ чужой станъ колесъ, закабалается за грошъ на многіе годы, обездоливаетъ правую изъ числа двухъ спорящихъ сторонъ, ссылаетъ невиннаго односельца на поселеніе, принимаетъ завѣдомаго вора обратно въ общество и т. п.»... Невозможно приписывать всей массѣ схода подобные приговоры и это пристрастіе къ водкѣ... Они—продуктъ самаго ограниченнаго меньшинства членовъ схода и возникаютъ единственно изъ полной беспорядочности объявленія, доклада, сужденія и разрѣшенія дѣлъ на сходахъ. Огромнѣйшее большинство членовъ схода всегда постановитъ правильный приговоръ. Нужно только, чтобы, съ организаціей надлежащаго порядка во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ, всѣ члены схода могли высказываться по обсуждаемымъ вопросамъ, знакомиться съ ними надлежащимъ образомъ, относиться къ нимъ сознательно, рѣшать ихъ непосредственно, самостоятельно, путемъ правильнаго, точно и ясно установленнаго закономъ и соблюдаемаго голосованія.

¹⁾ Мы считаемъ вообще это право подлежащимъ отмѣнѣ. *Ред.*

свободу,—для того чтобы быть безотчетнымъ, опираться на мнимыя основанія и спутывать понятія о дозволенномъ и запрещенномъ. То же самое можно сказать о власти земскаго начальника наказывать крестьянъ въ дисциплинарномъ порядкѣ за неисполненіе его законныхъ распоряженій. За короткое время дѣятельности относительно послѣднихъ и состоялось въ практикѣ и литературѣ нѣсколько разъясненій ограничительнаго свойства. Столь же желательны (и давно уже) были такія же разъясненія относительно волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, такъ какъ ихъ усмотрѣніе можетъ, какъ видно, расходиться гораздо шире, а для крестьянина не можетъ быть утѣшенія въ томъ, что существенныя права его нарушаются своимъ же братомъ, крестьяниномъ. Между прочимъ, засвидѣтельствовано относительно прежнихъ волостныхъ судовъ, какъ и относительно земскихъ начальниковъ (іюньское внутреннее обозрѣніе «Вѣстника Европы» за 1894 г.), что они наказываютъ иногда за подачу неосновательныхъ жалобъ (Березанскій, «Обычное уголовное право крестьянъ Тамбовской губерніи», 242). Это, конечно, вовсе не проявленіе «обычнаго права», а нарушеніе предѣловъ власти ея представителемъ и нарушеніе кореннаго права личности, безразлично, исходятъ ли распоряженія о наказаніи за подобныя «преступныя дѣянія» отъ земскаго начальника, или отъ сельскаго старосты, или отъ волостного суда, или старшины. И для лицъ высшихъ сословій, располагающихъ большими средствами для ознакомленія со своими легче постигаемыми правами и способами ихъ защиты, неосновательная жалоба, если въ ней не выразилось, по признанію суда, недобросовѣстное обвиненіе, не составляетъ ни преступленія, ни проступка. Какимъ же образомъ могъ бы подвергаться карѣ за нее крестьянинъ, подчасъ неграмотный и встрѣчающій чрезвычайныя трудности для ознакомленія со своими правами? Также точно не можетъ быть относимо къ праву то, что за неисправность въ платежѣ податей наказываютъ крестьянъ арестомъ или розгами волостные суды или (еще чаще) волостные старшины и сельскіе старосты (Скоробогатый. «Устройство крестьянскихъ судовъ», 4; Березанскій, 229). Мѣры взысканія податей возложены на сельскіе сходы, и даже сельскій сходъ не вооруженъ правомъ наказанія розгами или арестомъ за неисправность въ этомъ отношеніи (хотя ему и предоставлены серьезные и даже прямо варварскіе способы воздѣйствія на неплательщиковъ). По словамъ В. И. Семевскаго («Крестьяне въ царствованіе Екатерины II, 177), при существованіи крѣпостной зависимости, «главною виною со стороны крестьянина была неаккуратность въ уплатѣ оброка или въ исполненіи барщинной работы». Это могло быть по отношенію къ крѣпостному крестьянину,—но это недопустимо уже по отношенію къ крестьянину свободному ¹⁾).

¹⁾ См. объ обычномъ уголовномъ правѣ въ статьѣ нашей «Личность крестьянина», напечатанной въ № 8 «Наблюдателя» за 1896 г.

Обычай не можетъ, далѣе, освободить волостного старшину отъ обязанности приглашать двухъ свидѣтелей въ случаяхъ примѣненія имъ дисциплинарной власти къ подвѣдомственнымъ крестьянамъ, хотя объ этой обязанности, вмѣненной старостѣ, и не сказано точно и прямо по отношенію къ волостному старшинѣ. Равнымъ образомъ, обычай не можетъ лишать наказываемыхъ волостнымъ старшиною въ дисциплинарномъ порядкѣ права жаловаться на него, хотя въ самомъ законѣ право обжалованія, установленное относительно сельскаго старосты, и не предоставлено прямо по отношенію къ волостному старшинѣ. Обратные обычаи—незаконны, не имѣютъ юридической силы, противны правамъ свободныхъ сельскихъ обывателей, какъ таковыхъ.

Какъ мы видѣли выше, отрицательныя условія, препятствующія избранію въ должности по крестьянскому общественному управленію, крайне неопредѣленны и допускаютъ на дѣлѣ примѣненіе обычаевъ. Но обычай не можетъ освободить отъ руководства хотя бы такими указаніями закона и предоставлять опредѣленіе упомянутыхъ условій всецѣло усмотрѣнію учреждений, утверждающихъ въ должностяхъ, замѣщаемыхъ по избранію ¹⁾. Далѣе, по утратѣ помѣщикомъ правъ вотчиной полиціи, удаленіе отъ должности «неблагонадежныхъ» волостныхъ писарей осталось предоставленнымъ единственно непосредственному усмотрѣнію мировыхъ посредниковъ, впослѣдствіи уѣздныхъ присутствій, нынѣ земскихъ начальниковъ. Нѣтъ сомнѣнія при этомъ, что доказательства «неблагонадежности» необходимы нынѣ въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ прежде, и всецѣло усмотрѣніемъ указанныхъ властей «неблагонадежность» эта не можетъ быть опредѣляема. Наконецъ, и потому же самому, обычай не можетъ лишать лицъ, не утверждаемыхъ въ должностяхъ, и волостныхъ писарей, удаляемыхъ «по неблагонадежности», права обжалованія подобныхъ распоряженій высшей власти, такъ какъ иначе повѣрка соображеній низшихъ установленій была бы совершенно невозможна, и могли бы развиваться обычаи незаконные и несовмѣстные съ правами свободныхъ сельскихъ обывателей. Далѣе, подъ «другими причинами», по которымъ сходы могутъ освободить избираемыхъ лицъ отъ должностей, разумѣются причины, хотя точно и не обозначаемаыя, но во всякомъ случаѣ основательныя, дѣйствительно дѣлающія отправление должности для избираемаго слишкомъ тяжелымъ, разстроивающимъ его дѣла и отношенія. Наоборотъ, крестьянскіе сходы не могутъ освободить отъ обще-

¹⁾ Законъ 9 іюля 1889 г., предоставляя утвержденіе волостныхъ судей въ прибалтійскихъ губерніяхъ мѣстному съѣзду мировыхъ судей, не даетъ послѣднему права отказывать избраннымъ волостными сходами лицамъ въ утвержденіи по своему неопредѣленному усмотрѣнію, произвольно. Неутвержденіе можетъ послѣдовать здѣсь лишь по условіямъ, совершенно ясно и точно указаннымъ въ законѣ. Понятно, что такой порядокъ, положительно установленный закономъ, даетъ важное обезпеченіе волостнымъ судьямъ прибалтійскихъ губерній.

ственной службы за деньги, за выкупъ. Наблюдавшіеся обычаи этого рода лишены юридическаго значенія. Равнымъ образомъ, не можетъ имѣть юридическаго значенія указываемый г. Скоробогатымъ («Устр. крест. судовъ», 44) обычай «угощенія схода водкою», для избавленія, на примѣръ, отъ судейской должности, и совершенно неосновательно относить къ *праву* подобный обычай...

Хотя предметы вѣдомства крестьянскихъ сходовъ и обозначены въ законѣ односложно, не установлены съ достаточною точностію, тѣмъ не менѣе, несоблюденіе предѣловъ закона, въ особенности явное, не можетъ составить юридическаго обычая. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сельскіе сходы выступаютъ, по закону, въ значеніи, напоминающемъ судебную власть. Такіе случаи опредѣленно указаны въ законѣ. Затѣмъ, внѣ этихъ случаевъ сходъ не можетъ присвоивать себѣ права суда и расправы. Поэтому, не относится къ праву, а составляетъ нарушеніе права, то, что, на примѣръ, по указаніямъ г. Скоробогатаго, «розгами весьма часто наказываютъ на сельскомъ сходѣ за маловажные проступки, чтобы поучить виновнаго»; что за конокрадство наказаніе, налагаемое собственною властію схода, простирается до двухъ сотъ ударовъ розгами (стр. 17 и 24), и пр.

Вообще, учрежденій и лицъ, имѣющихъ право суда и расправы надъ крестьяниномъ, не можетъ быть больше, чѣмъ указано въ законѣ. «Судомъ по обычному праву» или «обычнымъ судомъ» можетъ быть лишь судъ, опредѣленно существовавшій при крѣпостной зависимости и сохраняемый примѣчаніемъ 2 къ ст. 93 Общаго Положенія. Такой судъ можетъ быть, слѣдовательно, только среди бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Его не можетъ быть среди крестьянъ бывшихъ государственныхъ. Равно не можетъ быть такого суда и вообще въ губерніяхъ, гдѣ введены законоположенія 12 іюля 1889 г., такъ какъ новыя временныя правила о волостномъ судѣ не допускаютъ болѣе его существованія. «Обычнымъ судомъ» можетъ быть еще третейскій судъ, къ которому стороны прибѣгаютъ *добровольно*, съ неперемѣннаго обычнаго согласія, и который онѣ могутъ при этомъ организовывать какъ имъ угодно, облекать властію разрѣшать ихъ дѣла и по закону, и по обычаю. Затѣмъ, всякіе иные «обычные суды», въ которомъ стороны были бы *принуждаемы* обращаться,—не могутъ имѣть никакого юридическаго значенія. «Среди крестьянскаго населенія Россіи,—говоритъ, однако, г. Скоробогатый, на основаніи «Трудовъ комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ»,—существуетъ еще *цѣлая масса судилищъ*, совершенно игнорируемыхъ закономъ. Въ числѣ этихъ «судилищъ» значатся и сельскіе сходы. «Судилища» эти рѣшаютъ дѣла по обычаю. Г. Скоробогатый приводитъ и нѣсколько образчиковъ, дѣятельности этого обычнаго суда. Обычай не можетъ, однако, создавать такихъ «судилищъ», — и крестьяне не обязаны имъ подчиняться. Да и было бы ужасно, и званіе свободныхъ сельскихъ обы-

вателей было бы мнимымъ, если бы, кромѣ цѣлаго ряда мѣстъ и лицъ, созданныхъ самимъ закономъ и облеченныхъ имъ правомъ судить и наказывать крестьянъ по обычаю за неопредѣленно обозначаемые «маловажные проступки», по крайней мѣрѣ, въ слабыхъ размѣрахъ,—если бы, кромѣ такихъ законныхъ судилищъ, существовала бы и освящалась правомъ «еще цѣлая масса судилищъ»,—неограниченная (какъ она представляется въ матеріалахъ и изслѣдованіяхъ) ни родомъ дѣлъ, ни родомъ, ни мѣрою наказанія, пользующаяся пыткой, божбою и жребіемъ въ качествѣ доказательствъ вины или невинности, употребляющая осрамительныя наказанія (прямой остатокъ помѣщичьяго «обычнаго суда»), присуждающая къ постановкѣ водки, и при всемъ томъ не знающая обжалованія и перевершенія ея постановленій высшею инстанціей и не устраняющая того, что наказанный по ея постановленію будетъ наказанъ еще волостнымъ или инымъ судомъ... Повторяемъ, за освобожденными крестьянами принципиально признаны всѣ права свободныхъ сельскихъ обывателей, и пребывавшіе всегда свободными сельскими обывателями государственные крестьяне не лишены были этихъ правъ и при реформѣ 1866 г.

Такимъ образомъ, въ отношеніи личныхъ и общественныхъ правъ крестьянъ существуетъ цѣлый рядъ весьма существенныхъ вопросовъ... Неопредѣленность же въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ должна неизбежно и чувствительно отражаться на положеніи крестьянъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, пользоваться правомъ, неясно выраженнымъ? Какъ защищать подобное право, въ случаѣ нарушенія? ¹⁾ Неудовлетворительность положенія вещей въ настоящемъ отношеніи усугубляется, между тѣмъ, съ одной стороны, крайнею юридическою безпомощностью крестьянъ, незнакомствомъ ихъ съ законами и своими правами и отсутствіемъ для нихъ возможности получать правильные юридическіе совѣты; съ другой же, тѣмъ, что, напримѣръ, власти, созданныя 12 іюля 1889 г., какъ это слѣдовало ожидать въ виду ихъ нѣсколько патріархальнаго характера, и какъ это положительно установлено,—обнаруживаютъ весьма мало склонности къ разрѣшенію крестьянскихъ дѣлъ

¹⁾ Статью свою «Кодификація обычнаго права, въ связи съ упорядоченіемъ юридическаго положенія крестьянъ», въ декабрьской книжкѣ «Журнала Спб. Юридическаго Общества» за 1895 г. г. Леонтьевъ начинаетъ съ двухъ положеній: «Никто не станетъ спорить противъ того положенія, что одна изъ главныхъ потребностей человѣческихъ обществъ—это опредѣленность, устойчивость и обеспеченность гражданскихъ правъ личности. Никто,—предполагаетъ онъ затѣмъ,—не станетъ отказывать въ этой потребности крестьянамъ». Однако эта потребность, въ которой нельзя отказать и крестьянамъ, остается неудовлетворенною... Почтенный авторъ справедливо находитъ гибельнымъ такое положеніе вещей для крестьянъ. Но при этомъ онъ имѣетъ въ виду одно частное гражданское имущественное право. Что же сказать о послѣдствіяхъ неопредѣленности, неустойчивости и необезпеченности отношеній крестьянъ въ разсмотрѣнной нами области публичнаго права?

не по произволу и усмотрѣнію, а на правильныхъ основаніяхъ закона... Отсюда же очевидна необходимость и точнаго опредѣленія закономъ правъ и обязанностей крестьянъ, и установленія закономъ же надлежащихъ мѣръ огражденія и обезпеченія этихъ правъ, въ видѣ правильной организаціи крестьянскаго суда и самоуправления.

Н. Дружининъ.

II. Провинціальныя картинки.

(Изъ наблюденій счетчиковъ).

Теперь еще не наступило время для правильнаго сужденія о тѣхъ результатахъ, которые имѣлись въ виду и достигнуты при первой все-россійской переписи. Но что пока съ несомнѣнностью констатировано, вѣрнѣе, подтверждено ею, такъ это низкій уровень развитія нашей страны и безпросвѣтность, окружающая бытъ массы ея обитателей.

Органы провинціальной печати, вслѣдствіе особыхъ условій своего существованія, не удѣлили этому крупному правительственному акту столько вниманія, сколько онъ заслуживалъ бы по справедливости. Ихъ сообщенія о переписи 28-го января касались, главнымъ образомъ, характеристики среды и обстановки, которая послужила кратковременной ареной дѣятельности счетчика и часто такъ рѣзко поражала его нервы и умъ.

Мы попытались собрать наблюденія, вызванныя непосредственно переписью; но, прежде чѣмъ изложить ихъ, намъ нужно сдѣлать нѣкоторое отступленіе.

Извѣстно, что хотя перепись выполнялась почти исключительно силами общества, но ея организація лежала внѣ этихъ силъ. Нисколько не удивительно поэтому, что при процессѣ дѣла выплыло наружу немало неудобствъ и недочетовъ.

Начать съ того, что—какъ общее правило—населеніе оказалось недостаточно подготовлено къ дѣлу, составивъ о немъ свои, сплошь и рядомъ еретическія, представленія. Появившійся во всѣхъ газетахъ министерскій циркуляръ относительно переписи ¹⁾, весьма

¹⁾ Вотъ его содержаніе: «Объявленіе отъ министра внутреннихъ дѣлъ. Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ произвести въ январѣ 1897 года по всей Россіи первую всеобщую перепись населенія. Перепись эта, предпринимаемая для пользы самого населенія, есть новое проявленіе все милостивѣйшаго попеченія о немъ Государя Императора.

О всеобщей переписи, конечно, будутъ много спрашивать и толковать въ народѣ. Поэтому я считаю необходимымъ объяснить населенію настоящее ея значеніе.

Всеобщая перепись не походитъ нисколько на прежнія ревизіи, считавшія только плательщиковъ подушной подати, которая теперь почти по всему государству

часто, повидимому, не достигалъ своей цѣли. Обыкновенно обыватель освѣдомлялся о переписи лишь наканунѣ, черезъ свое ближайшее начальство, полицію,—и нельзя сказать, чтобы подобный способъ извѣщенія внушалъ ему особыя симпатіи и вызывалъ его на откровенность. «Мѣстные власти, — читаемъ въ сообщеніи изъ Вознесенска ¹⁾, — не позаботились оповѣстить населеніе о предстоящей переписи и о томъ, кто ее будетъ производить. Ходилъ, правда, по домамъ какой-то городской и, постукивая въ окошечко, объявлялъ испуганно выглядывавшимъ обывателямъ, чтобы они 27, 28 и 29 не отлучались изъ дому: будетъ, дескать, перепись. Между тѣмъ, перепись началась еще 19-го числа, потому къ приходящимъ счетчикамъ относились не какъ къ лицамъ, производящимъ перепись, а какъ разсылнымъ той «комиссіи», которая будетъ обходить городъ 27, 28, и 29: такъ поняли обыватели предупрежденіе городского. Лишь 27-го числа въ городѣ появилось объявленіе отъ министра внутреннихъ дѣлъ съ извѣстными разъясненіями о предстоящей переписи. И если бы нѣсколько раньше оповѣстить населеніе объ истинномъ значеніи переписи, то она прошла бы гораздо успѣшнѣе и не причинила бы столько мукъ и униженій мѣстнымъ счетчикамъ». — «Интересно то обстоятельство, — писали изъ Красноярска, — что, не говоря уже о простомъ народѣ, во многихъ интеллигент-

уже отмѣнена; предстоящая всеобщая перепись не будетъ служить ни для какихъ новыхъ налоговъ или повинностей, а равно какихъ-либо новыхъ льготъ.

Перепись дѣлается только для того, чтобы было точно извѣстно, какъ велико число населенія государства, какъ распредѣляется это населеніе по возрасту, полу, сословію, вѣроисповѣданію, родному языку, занятіямъ, какъ оно разселено по городамъ, селамъ и деревнямъ и сколько между нимъ грамотныхъ, сколько слѣпыхъ, глухонѣмыхъ и проч.

Поэтому, чѣмъ толковѣе, полнѣе и добросовѣстнѣе будетъ отвѣчать каждый изъ жителей на вопросы переписныхъ листовъ, тѣмъ вѣрнѣе будетъ счетъ населенія, а значитъ, тѣмъ пригоднѣе онъ будетъ, когда правительству придется позаботиться о той или другой нуждѣ населенія или направить, какъ слѣдуетъ, какое-либо государственное дѣло.

Вопросы въ переписныхъ листахъ таковы, что откровенный отвѣтъ на нихъ никоимъ образомъ не можетъ навлечь на отвѣчающаго или его близкихъ никакой непріятности или отвѣтственности.

Уклоняться отъ правильныхъ и точныхъ отвѣтовъ при переписи нѣтъ причинъ, потому что никакихъ документовъ при переписи не спрашиваютъ и не провѣряютъ; никакихъ преслѣдованій за проживаніе безъ письменныхъ видовъ со стороны полиціи при переписи предпринимаемо не будетъ.

Перепись производится по Высочайшей волѣ Государя Императора, и долгъ каждаго вѣрноподданнаго сдѣлать все, что отъ него зависитъ, дабы она была успѣшна.

Обращаясь къ населенію имперіи съ настоящимъ объясненіемъ значенія первой всеобщей переписи, я твердо увѣренъ, что священная воля Его Величества будетъ исполнена всѣмъ населеніемъ съ должнымъ стараніемъ и по доброй совѣсти.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, шефъ жандармовъ *Горемыкинъ*.

Директоръ центрального статистическаго комитета, управляющій дѣлами главной переписной комиссіи *Тройницкій*.

¹⁾ *Одесскія Новости*, № 3888.

